

16+

александра дельмар

**ВСТРЕТИМСЯ
ЧЕРЕЗ ВЕЧНОСТЬ**

Александра Дельмаре

Встретимся через вечность

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дельмаре А.

Встретимся через вечность / А. Дельмаре — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Почему так – один любит, другой лишь позволяет себя любить?
Несправедливо, нечестно, жестоко. Но у Алины с Никитой именно такая
ситуация. Девушка верит, что её большая любовь сумеет исправить это
досадное недоразумение, но у судьбы другие планы на этот счет. Алина ещё не
знает – жизнь такая несправедливая штука.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александра Дельмаре

Встретимся через вечность

В оформлении книги использована фотография автора [Coffeemill](https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/beautiful-girl-poses-studio-on-gray-195980654) <https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/beautiful-girl-poses-studio-on-gray-195980654> и фотография автора [volkova natalia](https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/divorce-annunciation-bridge-overlooking-st-isaacs-1146033251) <https://www.shutterstock.com/ru/image-photo/divorce-annunciation-bridge-overlooking-st-isaacs-1146033251> с сайта www.shutterstock.com

Пролог

Молодые, глупые, чумные, с наивной верой в лучшее... Это про них с Алиной... Про них и про то золотое время, когда, казалось, ты юный бог и можешь всё, стоит только бровью повести. А жизнь-то, она вон какая недобрая, по-своему распорядилась, никого не спросив. У жизни насчёт его судьбы – совсем другое мнение...

Ещё раз взглянув на записку, случайно выпавшую из книги, Никита усмехнулся и, сложив листок пополам, снова отправил его в томик Акунина. Между страницами некогда любимой книги, где он жил все эти годы, ему самое место.

Странно, что эта записка, написанная аккуратным Алинкиным почерком, только сейчас попала ему в руки. Как грубый толчок в спину, как напоминание, что не все потеряно в его никчемной жизни, и что-то ещё можно попытаться исправить. Получится ли, когда уже получил от жизни пару хороших шелбанов, столкнувшись с её грубой правдой, да и равнодушие ко всему на свете, словно ржавчина, день за днём опустошало душу.

Прихватив плед, Никита вышел на балкон. Питер, уставший от зарядившего на целый день дождя, уже затихал, готовясь к ночи. Одно за другим гасли огни соседнего дома, стоявшего напротив, такого же старого и красивого, как и тот, где он родился, где дожил, хоть и с перерывом, до двадцати восьми лет. Какая печальная цифра... Ушла, умчалась молодость, мелькнула быстро серебристой ракетой, не догнать...

Кот Сева, единственный, кроме него, обитатель этой квартиры, лениво вышел следом, закрутился под ногами, требуя ласки и ожидая момента, когда можно будет вскочить на колени хозяина. Молодой человек сел в кресло, осторожно покрутился, устраиваясь поудобнее. Осторожности его с детства учила мама, говоря, что тяжёлый балкон, который держат в каменных лапах фантастические существа, в любой момент может оказаться на земле. Но красивый дом, построенный ещё в тридцатых годах, был удивительно крепок, как и многие другие старинные здания на Бородинской улице, возведённые на века лучшими русскими архитекторами.

Мысли снова вернулись к этой странной записке. Никита помнил, как писала её Алина, склонив русую голову над листком бумаги. А он смеялся, потому что по-детски наивно писать такое. Выдумала тоже... Но записку забрал и, как она велела, положил в любимую книгу. И забыл. Акунинская «Азазель» три года бережно хранила этот лист...

Седовласая бабуля с балкона напротив махнула ему рукой. Этот жест обозначал, что всё, хватит дышать воздухом, пора спать. Никита тоже махнул ей, пожелав спокойной ночи. Такой ритуал установился у них уже давно. У старых дворов много ритуалов... А он ещё немного побудет здесь, один на один с любимым городом.

Влажный холодный воздух забирался под плед, холодил грудь. Надо идти, скоро начнётся матч. «Зенит» опять победит, он уверен и готов насладиться прекрасной игрой этой сплочённой команды. Но что-то уже нарушило покой, словно пеплом присыпало, смазав очертания уходящего дня...

Ах, да, записка. И подступили воспоминания, столпились рядом, не разогнать. Алинка... Маленький преданный друг. Ну, что, осталось пять дней? Да нет, ерунда это, чушь. Забыть – вот самое мудрое решение. И гори всё синим пламенем...

Часть первая

Глава 1

– Ну и зачем ты здесь? – Взглянув на Алину, прижавшуюся к стене напротив его класса, Никита недовольно свёл брови к переносице. – Чего тебе надо?

– Я только поздороваться...

Она вскинула на него глаза, но тут же опустила голову, одёрнула чёрную юбку, не зная, куда девать беспокойные руки. Мимо прошла Татьяна, бессмертный староста и серый кардинал одиннадцатого «А», ухмыльнулась и закатила глаза, взглянув на них. Ну вот... Только что в школьном коридоре, пахнувшем свежей краской, не было ни души... Нарисовалась... Татьяна остра на язык, что-нибудь обязательно съязвит про малолетку, которая крутится возле Ивлева, растрезвонит об этом по всему миру.

– Поздоровалась? Иди, Алин, иди.

Коридор постепенно заполнялся старшеклассниками, этот третий этаж – их епархия. Шумные, громогласные, с цветами и без, они шли навстречу хрупкой Алине, и, казалось, этот поток людей сейчас поглотит её.

На секунду Никите стало стыдно за свою грубость, но только на короткую секунду. Вон уже Макс, друган, машет ему рукой, и коротышка Алекс с рюкзаком за плечами обрадованно идёт навстречу. Никита улыбнулся. Сейчас начнут возню, будут толкаться, обниматься, бить кулаком в плечо...

Он любил этот день первого сентября, торжественный и важный, за долгожданную встречу с одноклассниками в полузабытом за лето классе с портретами математиков на стенах, за новенькие учебники в новом рюкзаке и свежую, впервые надетую рубашку с жёстким воротничком. Да много ещё за что. Это день астр и гладиолусов, притащенных девчонками для строгой классной, день энергичного и весёлого звонка, призывающего занять свои места за столами, звук которого неожиданно радует, да и просто день хорошего настроения...

В последний раз взглянув на еле видимую спину Алинки, Никита шагнул навстречу парням, но вдруг замер на месте. По коридору шла богиня... Он моргнул, пытаясь разглядеть её получше. Ну и ну, таких красивых Никита ещё не видел. Высоченная и стройная блондинка с уже сформировавшейся фигурой уверенно шла сквозь толпу. Сердце молодого человека ёкнуло, потом забилось сильнее, и в этот миг всё вокруг потеряло значение... В этот миг он пропал... Одна мысль крутилась в голове – пусть эта новенькая, эта королева, это создание, спустившееся с небес, откроет дверь их класса.

Только теперь Никита обратил внимание, что рядом с красавицей семенит Светлана Сергеевна, их классный руководитель. На фоне девушки бедная Светочка, так за спиной звали её ученики, выглядела ещё старше и неказистей. Но тут до него дошло – если у новенькой такой провожатый, значит, она точно попадёт в их взбалмошный класс. Со словами «прости, брат, нашлись дела поважнее», Никита сбросил руку Макса со своего плеча и подался ближе к объекту своего внимания.

Светлану Сергеевну обступили со всех сторон, здоровались и о чём-то спрашивали, а девчонки совали цветы в её морщинистые руки. Никита тоже пристроился рядом. Классную любили за справедливость и дипломатичность, за то, что особо не доставала своих подопечных, не докучала «моралью строгой», но и спуску не давала, когда дело касалось учёбы.

Когда первые эмоции от встречи улеглись, Светлана Сергеевна повернулась к новенькой, которая скромно стояла рядом.

– А теперь, знакомьтесь со своей новой одноклассницей. Лилия Шанская, прошу любить и жаловать. Лилиного папу перевели к нам из Москвы, он возглавил департамент в областном правительстве. Так, Лилия?

Каждое слово классной больно отзывалось в сердце. Вот она какая... Москвичка, из хорошей семьи, с папашей, упакованным по жизни... А у него из всех достоинств разве что несусветная наглость, с помощью которой Никита постарается подружиться с красивой девушкой Лилией Шанской. Да что там постарается, он сделает это!

И вот интрига – с кем будет сидеть за одной партой эта, спустившаяся с небес. Ему такое счастье не светит, он на предпоследней обитает, не лучшее место. Но тут Никите повезло, есть же всё-таки в жизни немного счастья. Предмет его внимания сел за парту прямо перед ним. Ес! Он сжал кулак. Какая-то весёлая радость бушевала внутри, заставив глупо улыбаться. Никита смотрел на узкую девичью спину, обтянутую полупрозрачной тканью белой блузки, на едва заметные ляточки от бюстгалтера и еле сдерживался, чтоб не протянуть руку и не коснуться прекрасной девушки Лили. Желание мутной рекой затопило мозг...

– Ивлев? Никита? – голос Светочки наконец проник в его сознание. – Вернись к нам, друг, на нашу грешную землю...

– Я с вами, Светлана Сергеевна, с вами.

Он зашуршал тетрадкой, записывая тему урока. А думать о Ней, о той, которую выбрал для своей мечты, Никита будет ночью, в тишине замершей до утра комнаты, пока не сморит всемогущий сон его тяжелеющие веки.

* * *

В тот день Никита возвращался домой один. Шёл мелкий нудный дождь, колот иголочками щёки, пытаясь испортить ему настроение, но молодой человек не сдавался. Половину пути с ним обычно шёл Макс, который всю дорогу заливался соловьём на свою любимую тему под названием автомобиля. Он знал о них всё и считал, что эти знания надо нести в массы. Никита слушал вполуха, не его это тема, но давал другу выговориться, кивал. Минут через десять дорожки друзей всё равно разойдутся в разные стороны.

И хорошо, странным образом Никита полюбил одиночество. Чтоб никто не мешал мечтать, думать о ней и хандрить.

Четыре урока спина Лилии не давала ему покоя, такая близкая и такая недоступная. Но это были цветочки, ягодки созрели к пятому уроку, к уроку физкультуры. Такой, в обтягивающей грудь футболке и коротких шортах, открывавших взорам идеальные загорелые ноги, Никита увидел её впервые. Вольно или невольно, его глаза неотступно следовали за девушкой, жадно изучая её тело и любуясь им.

Кажется, зрение Никиты обострилось, он видел то, чего раньше никогда б не заметил: напряжённые мышцы Лилиных ног при беге, капельки пота на лбу, мягкое колыхание её груди, когда она бросала мяч... Всё в ней ему было мило, всё казалось совершенным. Эта поглощённость другим человеком и страшила, и радовала его, Никита хотел бы, чтоб этого не было, и тут же пугался, боясь потерять новые для себя чувства. А ещё он узнал, что такое ревность: кровь бросалась ему в голову, когда кто-то из ребят останавливал на девушке слишком долгий и внимательный взгляд.

– Никита!

Не сразу выпутавшись из своих мыслей, он увидел Алину, торопливо шедшую ему навстречу. Она шла без зонта под припустившим сильнее дождём, который безжалостно хлестал по её худеньким плечам... Что-то в её лице, страх или волнение, заставили Никиту беспокоиться. Появилось предчувствие большой неприятности, а может быть, даже беды... Широко шагая, он прибавил ходу, быстрым шагом пошёл навстречу этому гонцу, нёсшему дурные вести.

– Никита, – Алинка подошла, тяжело дыша, мокрые пряди волос липли к лицу. – Ты только не волнуйся, прошу...

– Да что такое? Ты пугаешь меня. Говори, что?!

– Мама твоя... В общем, в больнице она. Увезли на скорой...

– Что?!

Он вскинул голову. О, небо, только не это...

– Моя мама с ней... Никит, да ты не волнуйся, может, уже всё в порядке, – быстро говорила Алина, пытаясь утешить, пытаясь сгладить удар.

Она протянула руку к его плечу, но Никита дёрнулся, недовольно и зло. Да что ж всё так нескладно-то... Капли дождя, как слёзы, текли по его лицу.

– Идём, сейчас всё узнаем, идём!

Алина всё же дотянулась до его руки, потянула за собой. Никита шагнул за ней, пошёл следом, всё быстрее и быстрее. Нетерпеливое желание убедиться, что уже всё в порядке, гнало его. Он знал, что мама болела, что у неё прихватывало сердце, не понимая, насколько серьёзно. Она обходила молчанием эту тему. Иногда сын видел её искажённое от боли лицо, но, замечая его взгляд, мама пыталась улыбаться, давая понять, что всё хорошо. А у него сжималось сердце, но как страус, прячущий голову в песок, он старался не думать о неприятном. Мама лечилась, исправно посещала врача, а медики, Никита надеялся, знали своё дело.

Насквозь промокшие, они подбежали к автобусной остановке. Примерно через полчаса доберутся до больницы, а там... Что ждёт там?

– Алин, ты бы шла домой. Заболеешь ещё. Сам доберусь...

– Я тебя не оставлю.

Девушка ободряюще улыбнулась. Маленький герой, понимавший, что такое дружба, близкий человек, который обязательно поддержит, даже если не просят.

Только бы всё обошлось. Мама – единственный близкий ему человек на целом свете. Из тех немногих, кто любит его, такого, какой есть. И никогда не разлюбит. Сын отвечал ей тем же, хоть и не говорил об этом вслух...

В автобусе сели у окна, Алина хотела прижаться к нему, но побоялась. Никита, почувствовав это, сам обнял девочку за плечо, прижал к себе. Вдвоём вдвое теплее на свете... И пусть всё обойдётся, заклинал он, и этот страшный день пусть уже завтра останется только в воспоминаниях.

* * *

В больнице они сначала бестолково пытались что-то разузнать, тыкались в разные двери, как слепые котят. Наконец, медсестра в приёмном покое, заглянув в записи и ничего там не обнаружив, велела ждать, махнув рукой в сторону стоявших у стены стульев. Послушно сели. Алина всё время звонила маме, но телефон не отвечал. Она искоса поглядывала на молодого человека, терялась, не зная, что сказать, в её короткой и благополучной жизни не было ещё таких историй.

Никита сидел молча, неестественно выпрямившись, застыл на краешке стула каменным истуканом. Велели ждать... Он ненавидел ждать, это тяжело, это мучительно, это невозможно... Так можно ждать до скончания века и ничего не дожидаться. Вскочив, он решительно направился к окошку медсестры.

– Когда можно будет узнать о состоянии Ивлевой Маргариты Петровны? – произнёс Никита уверенно и строго взглянул на медсестру.

Хочешь узнать ответ, добавь требовательности в голос, когда задаёшь свой вопрос. Интуитивно он верил в эту истину. Женщина хотела что-то сказать, но, взглянув в его хмурое лицо, потянулась к телефону. Поговорив, повернулась к нему.

– Врач скоро освободится и спустится к тебе. Подожди, сынок, – добавила мягко.

От этих простых слов, от доброго сочувствия чужого человека защипало в глазах. Вот только расплакаться тут ему не хватало! Пытаясь взять себя в руки, Никита подошёл к окну, за которым уже вовсю светило солнце, заливая нежаркими лучами мокрую улицу. Дождь закончился, и это показалось ему хорошим знаком.

– Никита!

Он обернулся. Стоя около мужчины в белом халате, Алинка махнула ему рукой. В три длинных шага Никита оказался рядом.

– Ну что, порадовать вас нечем, – усталый доктор отвёл глаза в сторону. – Инфаркт с развитием ишемического некроза... Стенка левого желудочка... – не договорив, он покачал головой, поморщился.

– Что это значит? – Никита сглотнул застрявший в горле ком.

– Лечить будем, молодой человек, вот что это значит...

– Как Маргарита Петровна себя чувствует? – подала голос Алина. – К ней можно?

– Сейчас она спит. Возможно, завтра и навестите, посмотрим. А сейчас идите, ребята, домой, здесь вы ей ничем не поможете...

Ничем не поможете... Вот это и пугало. Никита вернулся домой, с трудом расставшись с Алинкой, она рвалась до вечера побыть с ним рядом, помочь ему с ужином... "Да и вообще..." – непонятно добавила Алина и замолчала. Но всё-таки ушла, после того, как он молча бросил на неё долгий, тяжёлый взгляд.

Захлопнув за собой дверь, Никита прижался спиной к дерматиновой обивке. Какая-то нехорошая тишина встретила его дома. Без мамы совсем пусто, словно душу вдруг вынули из этой небольшой старой квартиры. Он бесцельно прошёлся по комнатам, зачем-то погладил дверцу старого буфета, выдавшего ещё его прадеда, аккуратно повесил лежавший на диване халат с белыми ромашками, такой знакомый, такой родной... Чтобы занять себя, решил разогреть обед, достал из холодильника борщ, приготовленный её руками... Не выдержал, заплакал... Потому что жалел её, потому что боялся остаться один, потому что боялся смерти, которая, казалось, уже где-то рядом, подкралась, бдительно высматривая новую добычу.

Когда Никите было семь лет, умерла бабушка. Это было страшно... Только что была, добрая, с тёплыми руками, и вот исчезла. Навсегда. Мама говорила, что бабушка на небе, но он не верил. Небо же из воздуха состоит, как она там жить будет? И зачем? Вопросов было много, и всё без ответа, короткого, простого и понятного.

Звонок телефона заставил вздрогнуть. Звонила мама Алинки.

– Никита, привет! Ну что, не всё так страшно, я говорила с врачом.

Она говорила бодро и быстро. Ясно, хотела зарядить его своим оптимизмом и верой в лучшее. А у него уже не осталось этой веры...

– Ты понял, Никита? Если что-то нужно, только скажи...

Задумавшись, он пропустил добрую половину её речи, но ответил теми словами, которых в эту минуту ждали от молодого человека:

– Хорошо, тетя Маш, спасибо.

– Ну и ладно!

С заметным облегчением, женщина попрощалась с ним и отключилась, а Никита ещё долго слушал тревожные гудки в прижатой к уху телефонной трубке.

Глава 2

– Дочь, познакомься, это Никита.

– Привет, – она по-взрослому протянула ему руку. – Я Алина.

Худенький сероглазый мальчик хмуро взглянув на неё, кивнул, не протягивая руки. В его взгляде сквозила явная нелюбовь к девчонкам, как таковым, и к таким мелюзговым, в частности. Когда это было? Она закончила пятый класс, он седьмой, да, именно так. Алинка хорошо помнила это лето и этот день, как, впрочем, и всё, что было связано с Ним. Её героем, её бесконечной симпатией, человеком, который заставлял отчаянно, азбукой Морзе, биться Алинкино глупое сердце...

Но в день их первой встречи Никита совсем не понравился ей. Нелюдимый, неуклюжий, в дурацких клетчатых шортах. Алина уже тогда мнила себя модницей, и её белое платье с крупным розовым горохом было верхом совершенства. А тут...

Как бы то ни было, Алинке пришлось терпеть его полдня, пока они гуляли Летнему саду. Ажурные решётки, созданные волшебником, отбрасывали на дорожки причудливые тени, кидали их под ноги гуляющим. На эту прогулку пригласила их мама, коллега, Маргарита, она просила называть её именно так. Алина помнит узкие зеленые аллеи, залитые солнцем, их чинный променады и свою страшную скуку. Тут ни побегать, ни поиграть. Это теперь она понимала, что Летний сад – настоящая жемчужина города, созданная Петром Первым с характерным для него размахом и величием, а тогда... Слишком юная, чтоб оценить по достоинству.

Они с Никитой шли сзади, молчали, мальчишка пинал попадавшие под ноги камешки и был крайне заинтересован этим занятием.

– А вы знаете, почему Летний сад так называется? – повернулась к ним Маргарита. – Есть какие-то предположения?

– Есть, – Никита поднял голову. – Потому что только летом тут гулять можно. Зимой замёрзнешь.

– Мысль интересная, – засмеялась Маргарита. – Но на самом деле своё название сад получил из-за растений, которые в первое время высаживались на его территории. Это были летники, однолетние цветы и кустарники. – Она взглянула на ребят, кажется, им интересно. – И когда-то это было место исключительно для царских прогулок. Простых людей сюда не пускали.

Алина подняла голову, рассматривая статую Нимфы, юную женщину, с лёгкой полуулыбкой глядевшей куда-то вдаль слепыми белыми глазами. Сквозь листву деревьев солнце весело золотило её плечи, словно радовалось погожему дню и красивому, ухоженному парку, до которого дотянулись его лучи.

– Такая же красивая, как ты, – вдруг произнёс Никита, проследив её взгляд.

Ого! Эти слова, произнесённые совсем по-взрослому, удивили её. Первый в Алинкиной жизни комплимент от мальчика, даже такого неказистого, оказался очень приятным. Она была польщена, оказывается, любой девчонке, в любом возрасте очень нужны такие слова. А не так уж плох её новый знакомый...

А тот, о ком думала Алинка, уже ушёл вперёд, не дожидаясь свою красивую подружку, лишь равнодушная спина, обтянутая белой футболкой, маячила перед её глазами.

– Алина, догоняй, – крикнула мама, как сейчас, она слышит её голос...

Только через два года, на радость или на беду, пришла к ней эта любовь и, прокравшись в сердце, растревожила, накрыла с головой. Были первые дни сентября, хорошее время, когда после долгого лета ещё хочется учиться, и ноги с удовольствием идут в школу. Тогда, ранним утром, Никита и догнал её, кивнув, пошёл рядом. Ночью прошёл дождь, оставив тёплые лужи, и сизые облака, уходя на запад, смотрелись в них сверху. Алина осторожно обходила лужи и

украдкой разглядывала шедшего рядом парня. Совсем взрослый, возмужавший за лето. Белая рубашка плотно облегла крепкие плечи. Красивый... Никита что-то сказал, и его нежные губы дрогнули.

Этот прекрасный миг разделил её жизнь на до и после. Как замороженная, Алина смотрела на его губы, понимая, что теперь будет ещё сильнее мечтать стать взрослой. Хотя бы для того, чтоб эти губы смогли поцеловать её. А она б ответила, обязательно ответила...

Эта и другие, ещё более смелые мысли, которые нашептывала ей просыпающаяся женственность, занимали Алину весь учебный год. Об уроках было напрочь забыто. Какие уроки? Она была больна любовью и этим светловолосым парнем со стальными глазами, которые часто-часто снились ей по ночам.

* * *

Глядя в зеркало, Алина неторопливо застёгивала новенький пуховик, тёмно-розовый, отороченный светлым мехом, который необыкновенно нравился ей. Не спешила, но уж если быть честной самой с собой и называть вещи своими именами, она просто тянула время. Школьный вестибюль почти опустел, во всяком случае, все Алинкины одноклассники уже ушли по домам, исчезли в бушевавшей за дверьми белой февральской метели.

А она не уходила, сердясь на себя, высматривала Никиту, уже три дня он не попадался ей на пути в бесконечных школьных коридорах. Может, заболел? Сердце сразу гулко стукнуло, испугавшись этой мысли. Алина снова расстегнула пуховик и, стянув с шеи шарф, села на низкую длинную скамью. Загадала – если увидит его сегодня, все будет у них хорошо.

Домыслить, что именно будет хорошо, девушка не успела, потому что с лестницы вместе с верным другом Максом спускался Он. Алина вскочила, приняв равнодушный вид, зачем-то полезла в школьную сумку, все своим существом, как чуткий зверёк, чувствуя его приближение.

- Похоже, тебя тут ждут, а, Никит? – услышала она весёлый голос Макса и подняла глаза.
- Привет, – Никита скользнул по ней взглядом.
- Здравствуй! А если твой друг завидует, то пусть завидует молча.

Сказала и ужаснулась. По сути дела, она призналась в том, что действительно ждала симпатичного ей человека. Расписалась в собственной влюблённости. Вот так всегда – сначала скажет, потом подумает.

- А она у тебя такая – палец в рот не клади, – продолжал веселиться Макс.

Парень бросил быстрый взгляд на её вполне сформировавшуюся грудь, которой Алина втайне гордилась, хоть никому и никогда не призналась бы в этом. И, кажется, остался доволен увиденным. Вот наглец!

Никита направился в гардероб, на минуту оставив их вдвоём.

– Ты б язык свой попридержал, шутник! – Алина взглянула на парня долгим суровым взглядом.

Не дожидаясь ответа – пусть последнее слово останется за ней – Алинка схватила сумку и, на ходу накидывая шарф, быстро пошла к двери.

Оказывается, она может быть дерзкой! Кто сказал бы ей об этом, она была б удивлена. Не замечая снега, падавшего на голову и плечи, словно бравшего её в плен, Алина шла к автобусной остановке. Она думала о том, Никита совершенно равнодушен к ней, и его безразличие убивало. Алина боялась этой нелюбви, так для неё и звёзды погаснут на небе. А мир станет бесцветным или окрасится в серый цвет...

Дома, заметив её невесёлое настроение, мама пыталась узнать, в чём дело, но вразумительного ответа не получила. Алина всё свалила на плохую погоду и, как результат, неважное настроение. В Питере чуть что – всё валят на погоду. И шутят – да, у нас плохая погода, зато всегда есть о чём поговорить.

– Ты устала от долгой зимы, – сказала мама, ставя перед ней тарелку с супом. – Наверное, нам всем нужен праздник. – Она на минуту задумалась. – У нас скоро двадцать третье февраля? Вот и устроим веселье. Ивлевых позовём, давно они у нас не были. Как тебе моя идея?

Боясь поднять глаза, чтоб мама не увидела, сколько в них радости, Алина просто кивнула. Откуда-то вдруг появился аппетит, и она съела подчистую всю тарелку супа с наваристым, золотистым бульоном, в котором в окружении зелени плавали ровные кружочки из жира. Теперь у Алины появилось новое приятное занятие, она будет ломать голову над тем, что ему подарить. И дарить ли? Скорее, да, хоть и не уверена...

Список предметов редактировался в голове целый вечер. Сорочка? Хорошо бы, не нравилась Алинке его бледно-жёлтая рубашка, в которой Никита часто появлялся в школе. Неплохо, но нужны и другие варианты. Туалетная вода? Самая крутая? Но она совсем не знала его вкусов. Связать шарф, вложив в это дело всю душу? Понравится ли?

На следующий день она пришла в школу не выспавшаяся, измученная мыслями о Никите, о подарке, о своей несостоявшейся любви. На сердце какие-то тени... Алина шла вверх по лестнице, проводя рукой по гладким перилам. Вдруг чья-то ладонь накрыла её руку. Она обернулась. Макс? Опять будет задира́ть её? Алина приготовилась к бою.

– Привет! – парень выглядел смущённым. – Ты... это... Алин... Извини. Не очень я удачно пошутил вчера, сознаюсь...

Не слушая, девушка пошла дальше. Макс не отставал, шёл за ней, близко, шаг в шаг.

– Простишь? Ты такая боевая вчера была, – произнёс он ей в спину. – Может, в кафе сходим, а? Или в кино? – добавил вдруг тихо.

– Что?!

Поражённая, она развернулась к Максy всем телом. Что он несёт?!

– Про кафе это очень плохая идея, понял?

Алинка смотрела в его веснушчатое лицо, белёсые ресницы вокруг серых глаз... Тоже серых, но совсем других, цвета пыли, цвета нелюбви... Никогда, ни на один короткий миг ей не будет нужен этот человек...

Ушла. Алине хотелось и плакать, и смеяться. Почему он? Почему не тот, другой, которого просит сердце, подошёл к ней сейчас? Почему мы выбираем одних, а нас другие, ненужные нам? Или великий закон несовпадения всё же существует на белом свете?

* * *

Все попытки Алинки обратить на себя внимание Никиты с треском проваливались. Девушка меняла наряды, постриглась модно, сделав каре – всё напрасно. Он кивал при встрече, иногда улыбался снисходительно и просто шёл дальше. Лишь однажды остановился, столкнувшись в коридоре. Рядом – неразлучный Макс. Еле заметно тот толкнул Никиту в бок локтем.

– Посмотри, Алин, – кашлянув, сказал Никита, – какой парень пропадает? Ты бы взяла над ним шефство, что ли... Совсем он у нас... без руля и без ветрил?

– Что? Ну, знаете ли... – она повернулась, чтоб уйти, бросив напоследок: – А этому товарищу уже ничто не поможет.

– Алина, подожди, – Макс шагнул за ней следом, хотел схватить за руку, но не посмел.

– В общем, разбирайтесь сами.

Недовольный, наверное, из-за навязанной ему миссии, Никита ушёл, закинув за плечи старенький рюкзачок камуфляжной расцветки.

Рюкзак! Алина едва не хлопнула себя по лбу. Точно! Она подарит ему рюкзак. Самый лучший, самый красивый, посмотрит в интернете, что сейчас модно. Не слушая, что говорит ей Макс, помчалась в класс. Ещё один урок, и Алина займётся подарком, потратит все деньги, сэкономленные на школьных обедах. И гудбай, новые туфли, она спокойно обойдётся без них.

А Макса ей немного жаль. Алина понимала его, потому что сама находилась в такой же ситуации. Ненужным, нелюбимым нелегко приходится. Но всё же Алинке льстило, что кто-то добивается её внимания. Значит, не совсем она пропащая...

В назначенную на субботу встречу, перебрав в голове варианты нарядов, Алина остановилась на водолазке и джинсах. Придаст праздничности её виду металлическое кольцо оригинальной формы на чёрном шнуре.

– Простенько оделась, – сказала мама, окинув дочь взглядом. – Впрочем, мужчины не особо наши наряды разглядывают. Как-то я спросила твоего отца, какое на мне было платье, когда мы познакомились, так Иван даже приблизительно не мог вспомнить. Кстати, что-то он слишком долго выбирает торт.

Как будто протестуя против её слов, в дверь позвонили.

– Вернулся! – Мама быстро убрала в мойку посуду, смахнула салфеткой стол. – Открывай, а я переодеваться.

Они послали папу купить что-нибудь к чаю. Поворчав шутки ради, он отправился выполнять возложенную на него миссию. И пропал.

Алина распахнула дверь. Это был не папа. Ей улыбалась Маргарита Петровна. Одна. Девушка вытянула шею, пытаясь увидеть за её спиной Никиту. Но никто не стоял сзади, никто не ждал её подарков... Никита не пришёл... Вот так, а она и не предполагала, что такое возможно. Это открытие накрыло Алинку волной разочарования, такой сильной, что тяжёлый вздох вырвался сам собой. Но она всё-таки спросила, где же тот, чей праздник они собрались отмечать?

– Что-то не сложилось у него сегодня, Алин...

Она не договорила. Вошёл отец, неся перед собой коробку с тортом, и сразу заполнил собой маленькую прихожую.

– Маргарита! Рад, рад...

Он протянул дочери торт, а сам быстро сбросил куртку и принял норковую шубку гостя, сброшенную ему на руки.

– Благодарю, Иван Алексеевич!

Стоя у зеркала, Маргарита поправила лёгкие завитки на лбу, огладила руками красное трикотажное платье, а он смотрел на неё и улыбался.

Алина любила отца, и тот отвечал ей тем же. Неунывающий, весёлый, человек-праздник. Алина не помнила его расстроенным, озабоченным, хмурым, отец относился к жизни с лёгким и каким-то правильным пофигизмом, не заикливаясь на проблемах, и те рассасывались сами собой. Ей надо поучиться так же, со спокойным равнодушием принимать неприятности. Ну не пришёл Никита, и что? Небо, кажется, не упало на землю...

– Проходите и сразу за стол. Мама сейчас выйдет.

Алина понесла торт на кухню. Ей расхотелось праздника. Но назло непонятливому молодому человеку она не будет грустить. Решено! Будет веселиться, отец обязательно затеет танцы. Она взяла вазу с фруктами и понесла в гостиную.

Быстрое, как молния, движение руки отца, Алина успела заметить. Он гладил колено Маргариты, а когда она вошла, мгновенно убрал руку. И особенный взгляд женщины заметила. Алина назвала бы его блудливым. Какое некрасивое и какое точное слово...

Застыв на секунду, девушка развернулась, как робот, и вышла из комнаты. Неужели это то, о чём она сейчас подумала? Стидное и неправильное? Её отец и мама Никиты... Они любовники? А как же мама? Разве так можно!? Алине стало противно, будто душу вывалили в грязь. Может, все-таки ошиблась? Случайный флирт, выиграло что-то внутри у отца при виде симпатичной женщины? Но врождённая женская интуиция говорила, что вряд ли это ошибка.

Стоя у стола, девушка машинально водила ножом по его поверхности, крепко сжимая рукоятку в бессильной ярости. Значит, вот он какой, мир взрослых? В нём ложь, предательство, в нём обман и измена. А она так не хочет... А она так не будет...

Высочив в коридор, Алина схватила куртку и выбежала на лестницу, с силой захлопнув за собой дверь.

* * *

Эта история надолго выбила Алину из колеи. На отца она даже глаза боялась поднять, всячески избегала его. Как горько разочаровываться в близких людях... Вначале Иван пытался поговорить с дочерью, в тот же вечер постучался к ней в комнату. Алина накрыла голову одеялом и не проронила ни слова в ответ на его ужасную фразу "ты всё не так поняла". Папа-папа, и почему не нашел ты более искренних слов?

Свое маленькое расследование начала и мама, пыталась понять, почему вдруг дочь сбежала с семейного праздника. Сказала ей, что была расстроена – не пришёл Никита. Получилось почти честно, она ведь и в самом деле расстроилась. Никогда Алина не скажет маме о своих подозрениях в отношении отца. Правильно это или нет – большой вопрос, и у девушки нет на него ответа. Пусть жизнь рассудит сама.

Сидя на уроке математики, она списывала с доски уравнение, которое нужно решить. Гелиевая ручка с весёлым человечком на кончике быстро мелькала над тетрадным листом. Пять минут – и готов ответ. Вот бы всегда так. Но в жизни нет простых решений. Хотя одно решение Алина всё же приняла – она будет жить дальше, словно ничего не случилось.

На большой перемене в школьной столовой Катя опять завела свою пластинку. Катерина – лучшая подруга Алинки и её головная боль. Вечно ввязывается в какие-то истории. На сей раз, без аппетита поглощая паровую котлетку, она уговаривала Алину записаться в школьную театральную студию. Эти же разговоры были и вчера, и позавчера. Сама она уже там, и это её новое увлечение дорого обходится Алинке. Как минимум подругу надо выслушивать, комментировать её пламенные речи или хотя бы кивать.

– Прикинь, вдруг у тебя настоящий талант обнаружится? Попробовать стоит, если что, уйдёшь, Раиса никого насильно держать не будет.

Раиса – молодая учительница литературы, руководитель студии и Катин объект для поклонения. Расправившись с обедом, Алина слушала, скептически пожав губы, крутила в руках стакан с недопитым соком. Не до пьес ей сейчас, не до театральных экспериментов.

– А Никита как увидит тебя на сцене, – наклонившись к самому уху подруги, зашептала Катя, – сразу изменит к тебе отношение. Точно, к гадалке не ходи.

– Ну ты и сказочница, Катерина.

Алина отодвинула стул, надо идти, впереди нелюбимая химия с её незапоминающимися формулами. Но, кстати, под таким углом она не рассматривала Катино предложение, а эта её мысль явно не лишена привлекательности.

В коридоре, прикрывая друг друга, они подкрасили губы розовой помадой. Так, самую малость. Открыть тюбик, мазнуть по губам, закрыть – эти простые движения делали их взрослее в собственных глазах.

– Ладно, раз пошла такая пьянка, то я ещё пару слов добавлю, – Катерина любила выражать свои мысли самым витиеватым образом. – Ты должна изменить своё отношение к Никите. Мужчина – он охотник, ему не нужна добыча, которая сама идёт в руки. Ты понимаешь, о чём я?

– Ты сегодня удивительно умна.

Алина схватила подругу за руку, под трель звонка потянула за собой. Катя права, она уж и сама думала об этом. Попробует изобразить равнодушие и полную незаинтересованность в объекте своего внимания. Да и девичью гордость пока ещё никто не отменял.

Новая тактика ничего не изменила. Печально, этот факт надо признать. Но увлечённость театральной студией, возникшая с лёгкой Катиной руки, спасала Алину от невесёлых мыслей. Волнуясь, выйти на сцену, чтобы рассказать свою историю сидящим в зале людям, это так увлекательно. Твоя игра вызывает эмоции: слёзы или улыбки, ты слышишь аплодисменты и понимаешь – твой звёздный час настал. Алина серьёзно взялась за дело, училась управлять телом, голосом, пластикой, осваивала приёмы работы над ролью. Впрочем, всегда и всё она делала на сто процентов. Если взялся – сделай, как следует, или не берись вовсе, если слабак.

Ставили Островского, народ роптал, требуя современную пьесу, но Раиса была неумолима: попадётся на экзамене образ Екатерины, будете ещё благодарить за пятёрку. Алине досталась роль Варвары, сестры Тихона, умной и хитрой девушки.

– Ну, я много разговаривать не люблю, да и некогда мне... – Варвара-Алина, подбоченясь, прошла по сцене.

Краем глаза она зацепила просунувшуюся в дверь голову Макса. Видя, что его никто не гонит, парень бочком протиснулся в зал. А зрителей-то становится всё больше, это и пугало, и вдохновляло...

Часовое сиденье Макса в зале закончилось тем, что он попросил Раису включить его в состав школьной студии. Раиса разрешила, тем более, им не хватало актёров на второстепенные роли. «Быть тебе мещанином Шапкиным», – сказала Раиса и засмеялась, увидев вытянувшееся лицо Макса.

Мирное течение Алинкиной жизни нарушилось известием о болезни Маргариты Петровны.

Глава 3

Густой туман взывал к осторожности. Пелена серебристого, как плотная парча, тумана, скрывала очертания домов, фигуры пешеходов на тротуарах, двигавшиеся впереди машины. Даже шпиль Адмиралтейства, упиравшийся в небо, был едва виден в утреннем сизом мареве.

Иван свирепо просигналил подрезавшему его автомобилю. Медленная езда нервировала, выматывала душу. Он и так встал сегодня не с той ноги. Впрочем, и вчера тоже. А всё из-за дочери, из-за их испортившихся отношений. Алинка уходила в свою комнату, едва Иван переступал порог квартиры, разговаривала с ним, не глядя в глаза. Чужая, сердитая, обиженная девчонка, впервые столкнувшаяся с обманом и несправедливостью.

Сделав крутой вираж, Иван свернул в переулок, где находился офис его фирмы, резко затормозил у входа. Чёрная Ауди послушно замерла, готовая ждать здесь своего хозяина до самого вечера. Включив сигнализацию, направился к помпезному входу в бизнес-центр, который разместился в новостройке, вклинившейся среди старинных зданий. На черноволосого импозантного мужчину средних лет бросила заинтересованный взгляд шедшая рядом женщина.

Он усмехнулся. Красавец Иван Баринов привык к таким любопытным женским взглядам, они тешили его эго, радовали и забавляли. А ещё вдохновляли на разные глупости. Волшебным образом эти взгляды становились иногда началом знакомства с симпатичной женщиной, не слишком разборчивой в связях. Нечасто, видит бог, нечасто он позволял себе такие вольности, пара-тройка командировочных приключений, не более.

Но Маргарита – совсем другой случай...

Всё ещё витая в своих мыслях, Иван открыл дверь офиса, не забыв полюбоваться на новенькую табличку с золотыми буквами. «Старт. Транспортная компания», коротко и ясно, без дурацких английских слов.

– Всем привет!

На появление шефа народ реагировал по-разному. Разговаривавшая по телефону Вика, незаметно поправив воротничок белой блузки, помахала в воздухе рукой в знак приветствия, Михаил, оторвавшись от бумаг, энергично кивнул ему. И только уткнувшийся в компьютер Марк не отреагировал никак, пребывая в виртуальной реальности.

Иван прошёл в свой маленький кабинет, примыкавший к общей комнате. Тут просто: стол, кресло, шкафы, он не любитель красивых интерьеров и уж тем более, ему всё равно, за каким столом работать, был бы стол. Оживляли картину лишь прижавшаяся к стене драцена в большом керамическом вазоне и постер с двигавшейся по дороге цепочкой раритетных автомобилей.

Что будет дальше, Иван знал. Как всегда, он просмотрит отчёты за вчерашний день, попивая свежесваренный кофе, который принесёт ему Вика. Девушка сделает очередную попытку пофлиртовать с ним, а он снова сделает вид, что не понимает её намёков. Такая у них игра, которая делает чуть-чуть ярче офисные будни. Хотя... она уж не играла, взялась за него всерьёз, и с этим надо что-то решать.

А потом он будет думать о Маргарите. Бывший учитель, расставшийся со школой, она устроилась работать в библиотеку, в отдел с невыносимо трудным названием, которым заведовала его жена.

Маргарита была особенной. Впервые Иван увидел её в ресторане. Отмечали какой-то долгожданный и наконец-то полученный библиотекой грант, гуляли с мужьями на широкую ногу. Маргарита была там самой красивой, и если б он не был жёстким прагматиком, сказал бы – ослепительно красивой. Глухое платье телесного цвета с разрезом на спине призвано было свести с ума любого мужчину, бросившего на неё взгляд. Удивительно – это закрытое платье,

явно изобретённое гением, давало эффект обнажённого тела, которое соблазняло и манило. Да что там – сводило с ума. Весь вечер он следил за ней взглядом, боясь выдать себя и тут же забывая об этом...

Кому же достаются такие женщины? Это ж выигрыш на всю жизнь, приз, подаренный счастливчику судьбой. Иван не разглядел кольца на её пальце. Не замужем? Не может быть, или все мужчины мира неожиданно поглупели?

«Потанцуй с Маргаритой», – сказала ему тогда жена, и Иван готов был расцеловать её за это. Робея, он подошёл к женщине, протянул руку и замер. Она не спеша встала, королевской поступью прошла в середину зала. Танцевали молча. Её дыхание, словно лёгкий мотылёк, касалось щеки... Интересно, чувствовала ли Маргарита, как, дурея от близости, он едва дышал и как подрагивала мужская рука на её спине?

* * *

Оказывается, Иван и не знал, что такое любовь. Сильная, неуловимая, непредсказуемая, заставляющая радоваться каждому дню, полюбить то, что никогда не любил – серое мглистое утро, мелкий дождь, зарядивший на весь день. Вот оно как бывает... Не ждали, не звали... Да, без спроса, без стука пришла к нему любовь. Теперь он знал, что это за чувство, как это – любить? Это когда хочется вцепиться и не отпускать ни на минуту свою любимую женщину, страстно желая, чтоб она всегда была рядом. Все двадцать четыре часа, все тысяча четыреста сорок минут. Чтоб жить с ней одной жизнью, дышать одним воздухом, чтоб чувствовать её руку в своей руке.

После встречи в ресторане Иван едва сдержал себя, чтоб не отправится к жене на работу на следующий же день. Мария была бы удивлена, он не баловал её такими внезапными появлениями. Увидеться с женой среди дня, заглянуть к ней в библиотеку – это не про него. Вечером друг на друга посмотрят.

Ивану нужна веская причина для появления в библиотеке, повод, который показался бы Марии убедительным. Как назло, ничего не приходило в голову. Ехал мимо, зашёл – не вариант. Он мерил шагами свой неуютный кабинет, пытаясь сообразить, как поступить. Почти всё они с Марией могут решить по телефону или вечером, при встрече. Наконец, его мозговая атака дала результат: он заедет попрощаться, потому что нарисовалась срочная командировка. Куда-нибудь недалеко, например, в Выборг, в недавно открытый филиал компании.

Через полчаса, дав ценные указания Вике, Иван оправился приводить в действие свой сомнительный, шитый белыми нитками план. Серое здание библиотеки выглядело невесело. И почему у нас так любят серые дома? Вот вопрос, на который у него нет ответа.

Марию он нашёл сразу, она сидела за компьютером, заносила в каталог сведения о новых книгах, которые солидной стопкой лежали перед ней на столе.

– Привет, – жена встала, поцеловала в щёку. – Неожиданно! Надеюсь, ничего не случилось?

– Нет, Маш, нет, в мире по-прежнему всё в порядке, – улыбнулся он. Взял в руки книгу, погладил глянцевою обложку. – Уезжаю в командировку, зашел попрощаться. Еду сейчас в Выборг.

Приподнявшая голову совесть не помешала ему прямо взглянуть в глаза жены.

– Надолго?

– День-два, пока точно не знаю.

Поверх головы жены Иван обвёл взглядом большую комнату. Пара женщин, оживившихся при его появлении, снова уткнулись в экраны компьютеров. Маргариты нигде не было видно. Неужели всё зря – его враньё, придуманная командировка и пропавший завтрашний день, который ему предстоит провести неизвестно где?

– Поехал я, Маш.

Она кивнула, потянулась к нему руками, чтоб обнять.

– Осторожнее на дороге, – Машины руки, наконец, отпустили его плечи. – Я буду ждать твоего возвращения, – тихо шепнула она.

Мария любила его. Иван знал это, ценил и тоже любил жену, но какой-то другой, маленькой любовью. В этой любви много симпатии, уважения и слишком много привычки...

Он покинул пропитанную прекрасным запахом новых книг комнату и не спеша направился к выходу, всё ещё надеясь увидеть Маргариту. Боги, подарите ему немного везенья, и он будет счастлив и бесконечно благодарен вам.

Маргарита стояла у дверей запасного выхода и курила, тоненькая струйка дыма, едва успевая окутать её серой вуалью, быстро растворялась в воздухе. Иван остановился и замер, улыбаясь счастливой улыбкой. Маргарита смотрела на него и, казалось, видела насквозь, понимая, что из-за неё он появился здесь. Из-за неё этот модный джемпер и начищенные до блеска ботинки, в которых отражается свет потолочных светильников, и это его стояние молчаливым истуканом – из-за неё...

– Какими судьбами? – наконец, спросила она.

– Зашел попрощаться. Нужно уехать на пару дней, – ответил Иван, но глаза говорили другое.

– И куда едете?

– В Выборг, – он глубоко вздохнул и, понимая, что сейчас совершит большую глупость, произнёс: – Поехали со мной, прошу...

Сказал и ужаснулся, поднял на неё свои бесстыжие глаза, замер, ожидая, словно преступник в зале суда, приговора судьи.

Она засмеялась, закинув голову, обнажая нежную и белую шею, к которой хотелось припасть губами и целовать, забыв обо всём на свете... Отсмеявшись, Маргарита потушила сигарету, сказала строго:

– А вы шутник, батенька. Идите уже, Выборг вас ждёт.

Уйти? А внутри кураж уже завёл сердце на предельные обороты, и шальной внутренний голос велел не отступать. Пропадать, так с музыкой, и уже никак не открутишь назад его наглое предложение.

– Буду ждать у входа на автовокзал, – быстро произнёс он. – В семь, в восемь, в девять... Всегда буду ждать...

И ушёл быстрыми шагами, расставив свои сети. Как сумел, как получилось...

* * *

Она всё-таки пришла...

Был уже десятый час. Иван обдумывал место ночлега, попутно ловя себя на мысли, что всё логично: ни одна женщина в здравом уме не согласилась бы принять его странное предложение. Был один процент из ста, что она придёт, один из ста и даже меньше. Он уже повернул ключ зажигания, и верный друг-автомобиль обрадованно заворчал, готовый пуститься в путь. Откинувшись на сиденье, Иван в последний раз бросил взгляд на то место, где должна бы появиться Маргарита и которое уже просверлил глазами за часы ожидания. И сразу увидел её, как лучом, выхватил взглядом. Такие никогда не затеряются в толпе. Лениво и грациозно Маргарита поднималась по ступенькам, ведущим в зал ожидания.

Едва не задохнувшись от нахлынувшей радости, Иван выскочил из машины, быстрым шагом направился к ней. Маргарита обернулась – лёгкое смущение отразилось на красивом лице.

– Никогда не была в Выборге, – произнесла она хрипловатым голосом, – пришло время исправить это маленькое недоразумение.

Иван не дал ей договорить, обхватил за плечи, властно и нежно. Моё, нужное, выстраданное... Повёл к машине, не выпуская из объятий. Маргарита не сопротивлялась, послушно шла рядом, лишь смеялась нервным переливчатым смехом. Он усадил её на переднее сиде-

ные и, быстро устроившись на водительском кресле, потянулся к её руке, обхватил ладонью маленький кулачок. Иван держал бы так руку всю дорогу, но рука была нужна, чтоб рулить, чтоб везти свою женщину, которую он наконец-то нашёл, в страну любви, в страну их общего огромного счастья.

Поцеловав эту руку с тоненьким колечком на безымянном пальце, он рванул с места. Быстрее покинуть этот город, где его всегда ждали дома, быстрее оставить здесь больную, ненужную совесть. Нервы маленькими иголочками кололи грудь, впивались в мышцы. От нереальности происходящего, от напряжения, тяжёлым куском лежавшего внутри, шли от сердца маленькие трещинки, разламывали на кусочки усталое тело.

– Не могу поверить, что вы рядом, – Иван снова коснулся её руки.

– Не могу поверить, что я сделала это, – произнесла она. – Откуда ты взялся, Иван? Свалился в мою жизнь, зачем?

– Чтоб любить...

Он не умел говорить о любви, нежные слова – это слабость, ненужная мужчине. Но они, эти слова, толпились внутри, требовали внимания, искали выход. Иван произнесёт их, но не сейчас, в дорожной суете. Особенным словам нужна особенная обстановка.

Они всё ещё ехали по городу, его бесконечные дороги никак не заканчивались, словно город не хотел отпускать этих двоих, держал, не давая совершить глупость. Что делать дальше, Иван заранее не придумывал. Ехать в Выборг? Остановиться в питерской гостинице? Это отдавало пошлостью, да и Маргарита вряд ли согласится.

Накрапывал дождь, когда они выехали из Питера. Город вечной осени, прощай! Тянувшаяся вдоль дороги лесная полоска казалась враждебной, чёрной. Хотелось света, тепла, горячего чая. Мелькнувшее в свете фар придорожное кафе заставило Ивана принять решение.

– Можно выпить чаю и немного размяться? – он повернулся к Маргарите и взглянул в её лицо; свет от приборной панели оставлял на нём загадочные тени.

– Неплохая идея.

Уже через пять минут они сидели за столиком у окна, глядя друг на друга, между ними лишь вазочка с одиноким цветком. Маленькое смешное препятствие, да и препятствие ли?

Просто смотреть на неё, на пухлые губы и искорки в голубых глазах, на росчерк бровей, словно сделанный рукой талантливого художника – уже счастье. И хрупкие плечи под пушистым голубым свитерком – доведётся ли ему целовать их? Расторопный официант быстро заставил стол выпечкой и сладостями, и тёплый парок уже поднимался над чашками. Обжигаясь, Иван сделал глоток... Хорошо, всё-таки чашка хорошего чая делает нашу жизнь немного лучше...

– Я на минутку.

Он подошёл к бармену, разглядывавшему на свет вытертые бокалы.

– Скажи, друг, кажется, здесь есть мотель?

– Мини-гостиница, прямо за нашим зданием, – ответил парень, понимающе улыбнувшись. Потом добавил для пущей убедительности: – Вполне приличная, не пожалеете.

Дорогой Выборг, похоже, мы увидимся с тобой в следующий раз. Иван вернулся к столику, размышляя, что сказать дальше. Он не дипломат, нет. Хитрые ходы прокладывать не умеет.

– Знаете, Маргарита, не люблю ездить ночью, тем более, если у тебя в салоне ... – Он чуть не сказал «ценный груз». Дурак! Иван смешался, не зная, как закончить предложение. – Тем более, если у тебя в салоне Маргарита.

Вот! Выкрутился! Хреновый из него соблазнитель. Маргарита ждала, что Иван скажет дальше, кажется, она уже всё поняла.

– Здесь есть приличная гостиница, может, остановимся в ней до утра?

Замерев, он ждал ответа на своё совершенно неприличное предложение. Хотя они уже переступили законы приличий, и пора перестать беспокоиться об этом. Маргарита аккуратно поставила чашку на стол, поднялась и пошла к выходу. Кажется, это «да», или она оскорблена и не желает больше с ним говорить?

Это было «да». Она сидела в машине, пока Иван оплачивал номер, сообразив заказать доставку шампанского и конфет. И вот он уже у двери, пытается открыть замок, но ключ сопротивлялся, не попадая в замочную скважину. Есть! Едва закрылась за ними дверь, а он уже обнимал отвоёванную у мира женщину и пробовал на вкус её губы. Его руки везде – сбрасывали лишнее, гладили, изучали желанное тело желанной женщины, а душа тихо пела от счастья.

* * *

Неделю или две Иван каждый день вспоминал эту безумную ночь. Горячее дыхание, шёпот, слова, которые Маргарита никогда бы не произнесла днём, её громкие вскрики и закрытые в истоме глаза, когда получившее порцию любви тело замирало на белых простынях – все эти картины и звуки не давали ему покоя. Он помнил мягкие волны её волос на своём лице и приятную припухлость женских губ, исцелованных им, по-детски впирающие ключицы под шёлковой, изнеженной турецким летом кожей и милую впадинку пупка, которую Иван трогал языком, пока его руки скользили по её бедрам... Всё, хватит! Тело любимой женщины, зовущее к себе без слов, кто разгадает все твои загадки?

Прошла целая вечность, пока они встретились снова. Маргарита ждала его у себя дома, в маленькой чистой квартирке на Бородинской улице. В назначенное время он осторожно вошёл сюда, боясь столкнуться с её сыном, которого ещё ни разу не видел.

– Не беспокойся, нам никто не помешает, – сказала Маргарита, заметив его настороженный взгляд, брошенный в глубину квартиры.

Иван кивнул и, снимая куртку, позволил своему взгляду медленно пройти по телу женщины. А она, сделав шаг назад, уже развязывала пояс шёлкового халата, открывая его глазам то, что он так страстно хотел увидеть.

– Наконец-то... Я так ждал этой встречи...

Глубоко вздохнув, Иван подхватил на руки свою драгоценную ношу...

В любовной игре они были идеальной парой, совпали во многом: в ритме движений слившихся тел, в синхронности завершения любовного акта. В ту вторую встречу они неистово любили друг друга, пытаясь насытиться любовью до следующей встречи. Когда она будет – неизвестно, надо быть осторожнее. Он боялся, что Мария узнает об этой связи, а так не хотелось обижать её. Пусть никогда не узнает о предательстве мужа.

Мария... История их знакомства заслуживала отдельного романа, над которой долго будет ахать благодарный читатель. Да, тут есть, что вспомнить...

Иван Баринов – молодой парень, только что вернувшийся из армии в родной город. Оглушённый долгожданной свободой, свалившейся на него, как награда, после тупой армейской муштры, он крепко загулял. Весёлая компания, вмиг сложившаяся вокруг него, пока у молодого человека водились деньги, не давала ему начать новую, правильную жизнь, где была бы работа, мечты об учёбе и полное отсутствие праздности. В минуты трезвости Иван маялся от собственной никчемности, как-то даже пустил слезу, но гулянки не прекратил. Отец начал ворчать, встречая возвращавшегося под утро сына, от которого за версту несло перегаром и который потом полдня валялся на диване.

Честно говоря, работу Иван искал, хоть и не особо старательно, но пока не везло. Рюмка-другая водки примиряла с этой несправедливостью – после выпивки всё наполнялось другим, высоким смыслом, где наличие этой самой работы не имело никакого значения.

В отличие от него, отец, человек суровый, к тому же получивший крепкую советскую закалку, не представлял жизни без труда, без работы, конечно же, любимой. Уже через месяц

он не выдержал разгульного образа жизни единственного сына и устроил ему головомойку. "Не потерплю", "вон из дома, лоботряс" – он бушевал минут десять, пока не прошёл запал.

– Дурак ты, дурак, Ванька, – успокоившись, отец сел за стол, положив перед собой натруженные руки, руки человека, много лет отработавшего на Кировском заводе. – Без матери-то совсем распустился. Жизнь псу под хвост решил отправить? Ведь так и пропадёшь... – расстроенный, сгорбившийся, он выглядел старше своих лет. – Хоть бы женить тебя, дурня, чтоб жена уже мозги вправляла? Чтоб заботы семейные появились?

– Жениться? – Иван, молча переживавший бурю, наконец, подал голос. – На ком? На первой встречной?

– Да хоть на первой встречной! Но ведь тебя и на это не хватит, – отец презрительно скривил губы. – Слабак!

Почему-то именно это слово больно задело. Да, он лентяй, бездельник, но слабаком Ивана ещё никто не называл. От обиды что-то выиграло в нём, может, жажда справедливости, а может, выпитая накануне изрядная доза портвейна?

– А мы сейчас посмотрим, какой я слабак. – Иван схватил висевший на стуле пиджак, направился к дверям. – Жди, вернусь с первой встречной.

Отец скептически усмехнулся, тяжело поднялся из-за стола. «Найдёт он себе жену, как же», – проворчал, открывая шкаф. Здесь, за стопкой полотенец, ждала лучших времён бутылка беленькой – лучший способ успокоить расшатанные нервы.

Глава 4

Замерев, Никита стоял у двери палаты. Сейчас... Сейчас он прогонит подступавшие к глазам слёзы, соберется с духом и войдёт... Там, за этой белой дверью на железной кровати у окна лежал единственный близкий ему человек. И этот человек болен, а Никита не знал, как ему помочь.

Эти закрытые двери, они повсюду, сопровождают нас всю жизнь. Иногда, вот как эту, их очень трудно открыть. Они пугают, заставляя остановиться на пороге. Мертвенно белая дверь... Опасность и неизвестность... Что ждёт его там, за дверью? Может, это вход в новую, непрощенную жизнь, где Никите придётся раньше времени стать взрослым?

Приготовившись бодро улыбнуться, он поправил соскальзывающую с плеч голубую накидку и вошёл туда, где жило горе и большая беда.

– Здравствуй, мама, – Никита наклонился и поцеловал бледную, пахнувшую лекарствами щеку. – Как ночь прошла?

– Всё хорошо, – она через силу улыбнулась. Белое лицо, белей подушки. – Ты как там, один-одинёшенек? Подвела я тебя, прости...

Её глаза наливались слезами боли и отчаяния, спазм перехватил горло. Мама! Никита, изо всех сил стараясь не заплакать, заморгал, ругая себя за слабость.

– Похудел...

– Это вряд ли, – он попытался улыбнуться, сложил губы в весёлую гримаску. – С утра картошки наварил, колбасы нажарил. Аalinka с мамой помогают, вчера котлеты из дома принесли.

В палату зашёл врач. Голубой халат, стетоскоп на груди. И не мальчик, средних лет. Никите он сразу понравился. Надёжный. Такому можно верить. Такой вылечит, сумеет...

– Молодой человек, не очень утомляйте маму, – доктор взглянул строго. – Ей нужен покой. И сон, много сна.

– Сейчас ухажу. – Никита наклонился к самому её лицу, такому знакомому и родному, сказал тихо: – Скучаю очень без тебя... Возвращайся скорее. Жду...

– Скоро... Обещаю, – Маргарита сжала его руку. – Продержись... Потом заживём, как прежде. Лучше, чем прежде...

Он вышел из палаты, приткнулся у окна к подоконнику, приходя в себя. Страшно. А вдруг... Да нет, нет, не может же его молодая и красивая мама умереть. Конечно, вылечат, как иначе, двадцать первый век, Так не бывает, чтоб он не обнял её больше.

Никита шёл к автобусной остановке, не замечая дороги. Так плохо ему ещё никогда не было. Червячок под сердцем, прижившийся там со дня болезни матери, грыз и кусал, не успокаиваясь ни на минуту. В школу он сегодня не пошёл, да и вчера тоже там не был. Не до этого ему, да и нечего там делать, разве что ловить сочувственные взгляды. Даже любовь к Лиле как-то поутихла, словно взяла паузу, дожидаясь лучших времён.

Подходя к дому, по привычке бросил взгляд на окна. Тёмные... Как будто могло быть иначе...

– Никита! – Алина, стоявшая у подъезда, быстрой тенью метнулась к нему. – Ты от мамы, да?

– Да. Давно ждёшь? И зачем?

– Чаю попьём, – начала она бодро, – у меня эклеры. Шоколадные, – добавила тихо.

– Не до эклеров мне...

Она всё-таки поднялась за ним в квартиру, сразу прошла на кухню, застучала посудой, и дом сразу ожил, благодарный человеку за эти простые действия.

– Мама говорит, может, ты пока к нам переедешь? – крикнула Алина из кухни.

– Ещё чего, – пробормотал Никита и добавил громко: – Скажи тёте Маше спасибо, и пусть не беспокоится.

Он хотел остаться один. И побыстрее. Хотел ещё раз посмотреть документы в бюро. Там в разных папках много бумаг, но пока он не нашёл нужной. Такой, где бы хоть что-то было написано об его отце. Где-то же есть на свете этот человек? Может, пришло время нарушить его покой? Мама не хотела, чтоб он был в их жизни, прерывала все разговоры о нём. Не сложилось что-то у них, но может, у него сложится?

Именно сейчас он почувствовал острую необходимость в присутствии этого человека в своей жизни. Возможно, ему и не нужен сын Никита, но как узнаешь, пока не встретишься с лицом к лицу с тем, который по какой-то непонятной причине не захотел дать Никите свою фамилию.

* * *

Молочные полосы тумана, стлавшегося с Невы, заставляли сбавить шаг. Прогуляв несколько дней, Никита шёл в школу, потому что по-другому уже было нельзя. Несколько раз звонила Светочка, просила не дурить, говорила, что так можно запросто остаться без аттестата, неужели Никите это надо? Никите это было не надо. Впрочем, ему ничего было не надо, кроме одного – чтоб выздоровела мама.

Туман был такой, что он едва не столкнулся с Лилей. Ему надо чаще отрывать глаза от земли, там, под ногами, ничего интересного.

– Привет, – девушка улыбнулась ему. – Решил немного поучиться?

– Да. Света пригрозила, что оставят без аттестата.

Дальше они пошли рядом, и это было здорово. Он шёл рядом с самой хорошей девчонкой на свете. Наверное, это лучшее, что произошло с ним за последние дни.

– Как мама, не лучше?

Он покачал головой, нет.

– Ну, ты не расстраивайся, Никит, вылечат.

Почему так короток их совместный путь? Вот уже и школьные ступеньки, знакомые с первого класса, пять серых, немного щербатых ступенек. Никита потянул на себя ручку двери, пропуская девушку вперёд.

– Если тебе что-то понадобится, я рядом, – Лиля на секунду остановилась. – Совсем рядом, за соседней партой, – улыбнулась она, и Никита почувствовал, как нежность затопила сердце.

– Спасибо, – он был растроган, хоть и не подавал виду.

Лиля ушла, староста Татьяна отчаянно махала ей рукой, стоя у гардероба. Народу в вестибюле – яблоку негде упасть. Девчонки облепили большое зеркало, вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть своё отражение среди других лиц. Кто-то тайком доставал помаду, чтоб быстро мазнув по губам, сразу убрать в рюкзачок заветный тюбик. Беззаботная малышня, весело толкаясь, стайками растекалась по классам первого этажа, солидные старшеклассники степенно поднимались по лестнице наверх, в свои «взрослые» кабинеты. Никита любил свою школу, и она, кажется, отвечала ему тем же, как друга, встречая по утрам распахнутой настежь дверью класса.

Едва отсидев четыре урока, изучив во всех подробностях новую голубую блузку Лили, он отправился в больницу. А вдруг сегодня скажут, что маме стало лучше, и он на радостях устроит дома настоящий пир с тортом и кока-колой. Но пира не будет... Опутанная проводами, мама лежала под капельницей, бледная, с лихорадочно блестящими глазами. Никита старался не замечать её тонких неподвижных рук, замерших поверх одеяла; казалось, в них совсем не осталось сил...

Он начал рассказывать о школе, следя за тем, чтоб голос звучал бодро, но успел произнести лишь несколько слов, как в дверь постучали. Посетителем, как ни странно, оказался Алин-

кин отец. Увидев его, мама попыталась приподняться и сесть, и это её беспомощное движение резануло по сердцу – Никита увидел, как она слаба.

Откинувшись на подушку, она неловко поправила волосы и потянула на себя одеяло.

– Никита, – сказала она, – принеси воды. Свежей...

Он кивнул, схватил с тумбочки кружку и вышел. Ушёл, понимая, что вода – это просто повод. Будет сказано то, что сын не должен услышать? Что-то не для его ушей? Но что?

Никогда бы не пришло ему в голову, что там, в палате разыгрывалась настоящая трагедия...

– Маргарита... Родная моя... Я только узнал... Случайно... – встав на колени у кровати своей любимой женщины, он целовал её тонкие пальцы. – Как ты, милая?

– Сам видишь... Иван, поэтому я и пришла к тебе тогда... Может, ты моя лебединая песня. Последняя... Люблю тебя... Знай это...

Слезинка замерла на её длинных ресницах, потом, задрожав, медленно покатилась по белой щеке. Сглотнув, Иван осторожно коснулся этой сверкающей капли, стёр её пальцем. Он смотрел на Маргариту горестно и растерян, не зная, что сказать.

– И я... С первого взгляда... – произнёс наконец. – Тебя невозможно не любить... Ты всё, что мне нужно в этой жизни...

– Встань, Никита может войти, – она поморгала, прогоняя слёзы. – Знаешь, так хорошо, что ты пришёл... Увидев тебя, я на минутку стала счастливой...

Она дала волю слезам, а Иван целовал её мокрые щеки, шепча, что скоро она поправится, и они обязательно будут счастливы.

– Ты только выздоравливай быстрее. Ради меня...

Внезапно Маргарита успокоилась, приложила полотенце к лицу, стирая следы своего горя.

– Послушай. У меня к тебе просьба... Если что, пригляди за Никитой, ладно? Один он останется. Обещаешь?

Он кивнул.

– Но ты не должна такое говорить...

Жестом руки Маргарита остановила его.

– А теперь поцелуй меня и иди... Пусть Никита не видит нас... такими. Иди.

Всю нежность и любовь вложил он в этот поцелуй. Ивану хотелось кричать о несправедливости мира и крушить его, этот жестокий, неправильный мир. Подойдя к дверям, он остановился, чтоб ещё раз взглянуть на Маргариту.

– Иван... На всякий случай, прощай...

Как шелест осенней листвы прозвучал её голос.

* * *

Это проклятый, чёрный-пречёрный день начался для Никиты как обычно. Он устроил себе завтрак из трёх классных, с краковской колбасой и сыром бутербродов, которые так хорошо сочетались с большой чашкой кофе с молоком. Ел не спеша, с аппетитом, присутствующим молодому, растущему организму, параллельно листая учебник истории. Историю Никита любил, и заслуженные пятёрки по любимому предмету всегда красовались в его дневнике.

За голубыми кухонными шторками день разгорался медленно, неохотно, но вдруг – о, чудо! – выглянуло солнце, редкий гость в хмуром ноябрьском Питере. Никита подставил лицо холодным неярким лучам, думая, что это хороший знак. Да, наверное, слова «всё будет хорошо», которые часто повторяли ему – не просто дежурная фраза.

Повеселев, он покидал в подаренный Алинкой рюкзачок учебники и тетрадки, проверил финансы. Хватит, чтоб купить маме апельсинов. Даже если она есть не будет – один только вид их оранжевых бочков немного поднимет ей настроение.

Цепочка маленьких радостей продолжилась и в школе – на уроке истории улыбающийся учитель поставил Никите «отлично» за его рассказ о культе личности Сталина, и Лиля тепло улыбнулась ему, когда он возвращался от доски на место. Теперь остаётся дожидаться хороших новостей о маме, и Никита поверит – высшая справедливость всё же существует на земле.

С этой верой в хорошее и доброе он открыл дверь в отделение кардиологии.

– Посиди здесь, сейчас врач подойдёт, – дежурная медсестра поднялась из-за стола ему навстречу.

Удивившись, Никита бросил на неё вопросительный взгляд, сию секунду прочитав что-то на её лице, но женщина быстро отвела глаза.

Она ушла и быстро вернулась с врачом, с тем самым, немолодым, которому Никита так верил. Остановившись рядом, они переглянулись. Он тоже встал, и оранжевые апельсины мячиками поскакали по коридору, вырвавшись из выпущенного из рук пакета. Но люди в голубых халатах не обратили на это никакого внимания, стояли молча, и от этого зловещего молчания и неведь откуда взявшегося дурного предчувствия у него похолодела спина, словно кто-то сверлил её сзади недобрым взглядом.

– Ты должен быть мужественным... – произнёс, наконец, доктор и положил руку ему на плечо. – Случилось страшное... Прости нас, брат... – он еле выговорил эти слова.

Не-е-т! Ошеломлённый, Никита хотел заткнуть уши, не желая слышать о том, чего не может быть... Он выставил вперёд задрожавшую руку – пусть замолчит, пусть не продолжает, он не будет слушать этого злого человека, нет! Ужасные слова кружили где-то около, ещё не задевая сознания... Никита, как мог, старался не пустить их к себе, но через секунду они всё же ворвались в душу, больно вцепились в неё мёртвой хваткой, разрывая в мелкие клочья...

Врач хотел ещё что-то сказать, но его лицо сморщилось, как от сильной боли, он развернулся и пошёл прочь, а Никита, замерев, смотрел в его сторбленную спину, ожидая чуда. Боже, если ты есть на свете, не допусти, чтобы это было правдой...

Медсестра обняла его, прижала к себе, гладила по голове, шепча что-то тихо. Страшная правда наконец дошла до Никиты, невыносимо горькая, она заполнила собой всё. Уничтожила его надежды, его веру и этот утренний лучик солнца, обещавший так много. Он зарыдал, громко и беспомощно, как в детстве и, вырвавшись из рук женщины, помчался по коридору. Размазывая слёзы, которыми плакала его душа, быстро убежал из этого страшного места туда, где нет горя, где нет смерти, где его любят и ждут. И вдруг понял, что такого места больше нет...

Выскочив на улицу, Никита увидел Алину и её отца, быстрыми шагами приближавшихся к больнице. Нет, ему не нужен никто! Развернувшись, он помчался в другую сторону. Как раненого зверя, беда гнала его в укрытие, в безлюдное место, где можно без стеснения, без чужих глаз выплакать своё горе.

Где его мотало в тот день, Никита не помнил. Дворы, улицы, подъезды – какая-то сила гнала и гнала его вперёд. Увидев его слёзы, за ним увязался сердобольный мужичок бомжеватого типа, ошивающийся у магазина. Он схватил Никиту за руку, крепко, не вырваться, повёл куда-то вглубь двора. Там, в бледном свете фонаря, жестом фокусника достал из кармана бутылку водки, заставил выпить. Сделав глоток, Никита поперхнулся, но мужичок оказался настойчив, приговаривая, что нет лучшего лекарства от горя, чем это, заставил сделать несколько хороших глотков...

И мир стал другим. Опустившись прямо на холодную землю, Никита привалился к обшарпанной стене гаража и закрыл глаза.

* * *

Странные незнакомые звуки, словно дикий зверь драл когтями свою жертву, разбудили Никиту. Он разлепил глаза, успев удивиться сложности этой задачи, и вздрогнул от неожиданности – глазами-бусинами на него уставилась старая седая крыса, нагло продолжая свою

возню на полу. Никита пошевелил рукой, и крыса быстрой тенью метнулась в темноту угла. Он завозился, пытаясь встать с грязного дивана – тело отозвалось тянущей болью. И голова, страшно болела голова, казалось, маленькие черти плясали там, внутри, топтались по воспалённому мозгу.

Где он и что с ним? Сев на диване, Никита бросил взгляд вокруг. Маленькое помещение смело можно было назвать каморкой, и это был бы комплимент для убогой комнатухи с низким потолком. Как оказался он в этом подвале? Мысль о том, что случилось вчера, пришла не вдруг, но появившись, ударила молнией. Сердце застучало так сильно, будто пыталось сломать грудную клетку и наконец-то вырваться на волю. Ужас охватил его...

Раздавленный воспоминаниями о вчерашнем дне, он замер в странном оцепенении. Не хотелось двигаться, дышать, жить... Но, наверное, он ещё нужен своей мёртвой маме... Мысль о похоронах невыносима, но всё он сделает, он должен...

Выбравшись на улицу – дверь оказалась незапертой – Никита побрёл к дому. Страшно хотелось пить, полжизни б отдал за глоток воды... Накрапывал дождь со снегом, и он ловил эти капли сухими губами. Стылый холод прохватывал тело. Никита прибавил шагу, пытаясь согреться, но озноб не проходил, казалось, этот холод уже навечно с ним.

Он свернул к дому и увидел её, Алину, единственного верного друга. Красная куртка, низко надвинутый капюшон, руки без перчаток, сцепленные в замок...

– Никита!

Её голос порвал утреннюю тишину. Алина бросилась ему на шею, обхватив руками, зарыдала горько. Так плачут по-настоящему несчастные люди... Он гладил её по плечу, успокаивая слабого, утешая младшего...

– Ну-ну, хватит... Идём домой.

Никита нащупал в кармане ключи от квартиры, счастье, что он не потерял их за ночь. Алина оторвалась от его груди, кулаками вытерла глаза. Но слёзы всё равно текли, то ли слёзы, то ли дождь, не разберёшь...

Переступив порог, он сразу увидел мамины домашние туфли. Голубые с белой пушистой оторочкой. И её плащ на вешалке, который она больше никогда не наденет... Ох... Никита прошёл на кухню, глотая слёзы, кажется, они не закончатся никогда...

Алина прошла за ним, спотыкаясь на каждом слове, начала рассказывать, что всё организовано мамиными коллегами, что ему не о чем беспокоиться, что уже завтра... Ей было страшно произнести это слово, обозначающее то, что случится завтра... Слово, пахнувшее смертью...

– И вот ещё... Мама тебе письмо оставила...

Письмо, которое ей надо передать, уже давно жгло карман. Она достала из кармана и протянула Никите сложенный вчетверо тетрадный листок.

– Письмо?! Что там?

– Мы не читали... Это же тебе.

Честно сказать, Алина хотела совершить нехорошее – заглянуть туда. Но не посмела. Может, там чужие тайны, может, слова поддержки и утешения? Но это ему, для него, чужим нечего совать свой нос.

Никита протянул руку. Последняя весточка... Тут мамина душа, её прощание... Он поднял глаза на Алину, девушка кивнула, попятилась к дверям. Поняла, что ей нужно уйти. В эту минуту сын должен остаться один на один с последними словами своей матери...

Задрожавшими руками он развернул листок.

«Мой любимый сын! Пишу так, на всякий случай, пусть будет у тебя это признание, пусть поможет тебе в жизни, раз мама не сумела... Ты часто спрашивал об отце, а я не отвечала. Стыдно было признаться в своей глупости и наивности, не хотелось, чтоб ты презирал меня.

Знай, хоть мне и тяжело об этом писать – ты появился на свет благодаря случайной связи. Для Евгения, твоего отца, это было лёгкое развлечение на одну ночь, он и имя моё, уверена, забыл на следующий же день. Весёлый юбилей моей подруги в ресторане закончился первой в моей жизни ночью, проведённой с мужчиной. Виной тому были пара лишних бокалов шампанского и стального цвета глаза парня, который пригласил меня танцевать. А ещё – его тонкие комплименты, красивые и льстивые слова, каких я никогда ещё не слышала. Голова закружилась, казалось, вот оно, счастье, пришло...

Когда я поняла, что жду ребёнка, я попыталась разыскать этого парня. Не сразу, но всё же удалось, даже адрес узнала. Поехала туда в выходной, нашла, где живёт... Огромный трёхэтажный дом поразил... Его великолепие остановило меня... Куда мне с пузом в эту красоту, в эту жизнь, не впустят, прогонят, осмеют. Даже если и примут ради ребёнка, кем я, незваная, непрошенная, буду там? Да и не нужен нам оказался отец, разве плохо мы с тобой жили? Дорогой мой, но ты должен знать об отце и сам решить..."

На этом письмо обрывалось. Никита покрутил лист, пытаюсь найти продолжение, но больше ничего не было. Не успела. Ушла. Туда, откуда ещё никто не вернулся назад...

Глава 5

Невозможно смотреть, как плачет взрослый мужчина. А этого и не увидит никто. Когда, позвонив в больницу, Иван узнал о смерти Маргариты, то первым чувством, охватившим его, была ярость. Он был потрясен несправедливостью этого страшного события. Кто ему ответит, почему умирают красивые и любимые женщины, оставляя нас навсегда, почему не хранит их наша любовь? Иван сжал кулаки, ломая пальцы, сдерживая рвавшийся наружу крик...

А потом пришло горе, навалилось чёрной тоской, душило, словно петлей, не вздохнуть... Иван позвонил домой, сказал жене о срочной командировке. Нужно уладить, нужно подписать... Плёл чего-то, не понимая, что. Сегодня он не вернётся домой, где надо «держаться» лицо, вести себя так, словно ничего не случилось. И с работы уйдёт, здесь легко обойдутся без него.

Иван сел в машину, вырулил на главную дорогу. Быстрые «дворники» разметали первый снег на лобовом стекле. Снег шёл с самой ночи, предвещая скорое начало зимы. А Марго уже никогда не увидит этих белых кружевных снежинок, никогда не упадут они на её плечи... Он заморгал, неловко повернув руль. Взвизгнули тормоза идущей рядом машины, водитель что-то злое крикнул ему сквозь стекло... Надо быть осторожнее, на дороге смерть всегда рядом...

Куда ехал, Иван не знал, да и неважно это. Ему нужно побыть одному, погоревать об этой прекрасной женщине, о самой большой в своей жизни потере. Душу свою бинтами обмотать... Неожиданная мысль пришла ему в голову. Иван развернул машину, направился к выезду из города. Он поедет туда, где началась их любовь. Ехали в Выборг, а попали в маленькую комнатушку придорожного мотеля, где провели свою первую ночь. И это было лучшее место на свете...

Стушались сумерки, когда Иван подъехал к мотелю. Напрягшись, вспомнил номер той памятной комнаты, надеясь, что она свободна. Так и оказалось, седовласый портё выдал ему ключ и пожелал хорошего отдыха. Не заглядывая в комнату, Иван направился в бар, пусть плеснут хорошую порцию водки, и пусть эта производная этанола поможет ему хоть немного снизить душевную боль.

Он сидел у стойки бара, сгорбившись, положив руки на её липкую поверхность. Забрав рюмку, бармен, взглянув на клиента, наполнил вторую, затем третью. Расслабленность и оцепенение пришли, как награда измученному телу...

– Ей, мужик, угости ребят, – услышал Иван за спиной громкий мужской голос.

Он медленно повернулся туда, откуда прозвучали эти слова. Не просьба – приказ. Крепенький плечистый мужичок в чёрной, выдавшей вида куртке, скаля зубы, смотрел на Ивана. Его приятель, уже изрядно поддавший, встрепенулся в предвкушении небольшого развлечения.

– Обойдётся!

– Стервец, ты хоть знаешь, с кем говоришь? – разгорячённый винными парами, мужик угрожающе приподнялся за столом.

– Конечно. С пьяной свиньёй.

Водка, катализатор для всплеска негативных эмоций, разбудила в Иване агрессию, он жаждал боя, крови, ярость и ненависть бушевали в крови. Он встал, шагнул вперёд, остановился, расставив ноги. Непроизвольно сжались кулаки, готовясь к поединку. Мужик, возбуждённый намечавшейся схваткой, уже шёл к нему, ноздри его раздувались, как у готового к скачкам жеребца.

Иван ударил первым в это ненавистное лицо, пытаясь достать губы, изрыгающие матерные слова. И шагнул назад. Мужик пошатнулся, но устоял, качаясь, он ощупывал лицо руками. Его собутыльник, чертыхаясь, уже спешил на помощь. Теперь уже они оба шли на Ивана, тяжело дыша. Набросились одновременно, пытаясь ударить побольнее. Пока ему удавалось

уворачиваться и даже снова ударить первого, особо враждебного, под дых. Но к дерущимся подгребал ещё один, свирепого вида детина; в его глазах явственно читалось желание всласть помахать кулаками.

Внезапно бармен, до этого равнодушно взиравший на потасовку, будто проснувшись, быстро выскочил из-за стойки и резко дернул Ивана за руку. Вытянув его из свалки человеческих тел, потащил к выходу, вытолкал за дверь.

Что это было? Холодный воздух привёл Ивана в чувство. Кулак саднило, заставляя устыдиться своей звериной агрессии. Нашупав ключ в кармане, он отправился в комнату, уже жалея, что выбрал именно её. Войдя, бросился на кровать, прижался лицом к подушке, на которой когда-то белело в полутьме её красивое лицо.

Почему?! Почему Маргарита не оказалась той первой встречной, на которой он сгоряча женился? Сколько счастливых дней они могли бы подарить друг другу, сколько радости... Застонав, он приложил больную руку к губам, радуясь этой боли, этому маленькому страданию, которое хоть немного забирало на себя невыносимую боль его сердца.

* * *

Это была жуткая ночь. Как там, в стихотворении, «полуплакал, полуспал»... И вся жизнь прошла перед глазами, с её ошибками и чудачествами. Придя из армии, жил без руля и без ветрил, в полупьяном угаре. «Женюсь на первой встречной», вот чума. И зачем он это сказал? Отец тогда замолчал, закатил глаза, и последнее слово в их очередной ссоре осталось за Иваном.

Первой встречной оказалась толстуха средних лет. Схитрив перед самим собой, сделал вид, что не заметил её, такие девушки пусть ищут других женихов. Себе под стать. Потом он долго шёл за симпатичной девчонкой, стройной, как берёзка, пытаясь, прежде чем начать атаку, рассмотреть кольцо на её пальце. Не успел – она впрыгнула в троллейбус, двери захлопнулись, и потенциальная невеста исчезла навсегда.

Мария была третьей. Разочарованный, Иван с минуту смотрел вслед троллейбусу, потом оглянулся и увидел её. Мария стояла на остановке, ждала свой седьмой автобус. Это потом он узнал про автобус, а пока стоял и тайком изучал девушку. На первый взгляд в девушке не было ничего, что обычно не нравилось Ивану. Например, вульгарность, неестественность и слишком боевой раскрас. Худенькая, высокая, короткий джинсовый сарафан с карманом на полной груди позволял рассмотреть стройные ноги с узкими щиколотками. Надо ли говорить, что он обожал такие женские ноги. Жаль, тёмные очки на сосредоточенном не улыбочивом лице девушки закрывали то, что хотелось бы рассмотреть. Глаза. По ним легко считать человека, узнать, добрый или злой, мягкий или жестокий.

– Вы меня проглядели насквозь. До дыр, – вдруг сказала она, сдвинув очки вниз, к носу. Карие глаза взглянули насмешливо. Карие глаза ждали ответа.

Иван был не готов к тому, что она вдруг заговорит с ним, поэтому ляпнул первое, что пришло в голову.

– А нам, режиссёрам, по-другому нельзя, если хотим найти свежее лицо.

Потом он объяснит, что вырвавшаяся ложь – способ, казалось, безотказный, привлечь её внимание. Девчонки любят творческих личностей. Кажется, это так, хотя ещё мало знал девчонок.

– Порнофильмы снимаете? Это не ко мне, молодой человек, – она развернулась к нему лицом. – А часто вы режиссёром представляетесь? И как улов, клюют? – забавляясь, девушка открыто смеялась над ним.

Зубастая, за словом в карман не лезет. Иван хотел сказать что-то весёлое, юморное, но ничего не приходило в голову. Мозги уже совсем пропил? Надо с этим завязывать. А девчонка, всё ещё улыбаясь, отошла, направившись к остановившемуся рядом автобусу. Пара секунд – и она уже там, в салоне. Хорошо, что на сей раз он успел вскочить на подножку.

Иван проводил Марию до дома, дорогой дурачился, развлекал девушку, наконец-то снизошло на него вдохновение. Был в ударе, нравился сам себе. Сорвал несколько цветков, чудом выросших у дороги, преподнёс эти скромные лютики девушке, преклонив колени. Стоя у подъезда её дома, загородил дверь спиной, не отпускал, пока не выпросил номер телефона. Отпускать и вправду не хотелось, с ней было легко и просто.

Вернувшись домой, сказал отцу, чтоб в выходные ждали невесту, первую встречную, как и обещал, приведёт знакомиться. До выходных ещё три дня, Иван надеялся за это время очаровать будущую супругу. А первый неплохой шаг в этом направлении уже сделан.

Встреча с Марией принесла ему удачу: через день Иван нашёл работу в небольшой фирме, довольно бойко торгующей стройматериалами. Куда-то исчезло желание пить и курить, встречаться с сомнительными приятелями, видно, всему своё время.

Родителям будущая сноха понравилась, отец приосанился и довольно крикнул, увидев Марию, пришедшую в гости, а мама даже обняла её на прощанье. Через три месяца сыграли скромную свадьбу. Был лучший питерский ЗАГС номер один, шустрый фотограф, цветы и кольца, маленький банкет в ресторане – всё, как полагалось. От невесты в белом кружевном платье глаз было не отвести, он смотрел на неё счастливыми глазами и был влюблён, бесконечно влюблён...

Первые три года жили хорошо, много работали, а ночами любили друг друга до одури, засыпая под утро на одной подушке. Вначале снимали квартиру, потом, когда родилась Алинка, с помощью родителей купили свою. А потом... Куда исчезает любовь, кто ему ответит? Где то таинственное место, та загадочная страна, куда уходят наши чувства, пропадая там навсегда...?

Свет фар от подъехавшей к мотелю машины полоснул по окну. Иван зашевелился на своём неудобном ложе, перевернувшись, взбил подушку, снова закрыл глаза. Ему не уснуть... Перед глазами уже лицо Маргариты, женщины, которая заставила по-молодому забиться его застывшее сердце. Завтра похороны, он не пойдёт, нет, не сможет видеть её такой. Любимое тело, тронутое холодной рукой смерти, невозможно... Пусть самые близкие будут рядом...

Внезапно Иван открыл глаза. Никита! Что будет с ним? Он обещал Марго позаботиться о нём, а сам забыл о парнишке, лелея своё горе. Может, тот уже в приёмнике-распределителе, пока он, сбежав, слёзы тут глотает. Слабак! Сейчас Никита – самое главное, ради памяти любимой Иван сделает для него всё, что потребуется. Отбросив одеяло, он вскочил, собрался в пять минут. Уже светало, когда он вырулил на трассу, поехал вперёд, к видневшемуся вдали городу, навстречу золотому шару солнца, медленно и торжественно поднимавшемуся над горизонтом.

* * *

К шести утра подъехал к дому, припарковал машину в безлюдном дворе, белом-белом, занесённом первым снегом. Здесь ещё не ступала нога человека, лишь замысловатая цепочка кошачьих следов вилась по девственно чистой поверхности земли.

Замок открывал осторожно, чтоб не потревожить, не разбудить своих. Спят ещё, утренний сон – самый сладкий. Ошибся. Алина сидела на кухне перед чашкой остывшего кофе.

– Привет, Алька, ты чего не спишь? Хотя... понимаю...

– Пап, – она вскочила, бросилась к отцу на шею. – Как так можно? Он ещё маму не похоронил, а его уже в детский дом забирают? – Она вздохнула, сдерживая слёзы. – Скажи, у этих людей есть сердце?

Чёрт! Ну, вот, как он и предполагал, уже сообщили, кому надо, успели... Интересно, как это делается? Наверное, школа обязана информировать о таких случаях.

– Откуда узнала?

– К классной тётка приходила... Узнавала про Никиту, где он сейчас, с кем, сказала, что будут оформлять в детдом. Папа, да он там загнётся один!

– Никиты не было в школе?

Алинка отрицательно помотала головой, всхлипнула, из последних сил не давая пролиться слезам, но горе оказалось сильнее. Дочь тихо плакала, а он гладил её по голове, позволяя излиться этим тяжёлым слезам отчаяния и боли.

Неслышно вошла на кухню Мария, остановилась, прижавшись спиной к стене. Белая шёлковая сорочка обнажала худенькие плечи. И жена, и Алина, приподняв голову с его груди, с надеждой смотрели на Ивана.

– Значит, так, – он начал говорить, ещё не зная до конца, что скажет. – Никиту надо спасать, это не обсуждается. – Его уверенный тон подействовал на Альку, она перестала плакать. – Думаю, можем оформить опеку. Маш, ты как? Не будешь возражать?

– Нет, конечно, нет. – Мария обняла себя руками, пытаясь согреться. – Действуй, Иван, я помогу.

– Сейчас едем к Никите, потом в школу, узнаем про тётку, откуда она такая взялась... Дальше по ситуации, – Иван говорил уверенно, он, словно опытный капитан, объяснял команде план действий. – Иди, одевайся, – подтолкнул Алину к выходу.

Эти фразы Иван произнёс без колебаний, но на деле он совсем не был уверен, что всё получится. Сто бумаг собрать придётся, кучу подписей, а зная наших бюрократов, результат под вопросом. Вдохнул, хреновый он всё-таки оптимист.

Никита открыл дверь не сразу, вышел к ним через пару минут в накинутах на плечи мятой рубашке. Взгляд взрослого человека, измученный вид – заметно, что парень на пределе. Разговаривали на лестничной площадке, он просто забыл пригласить их пройти.

– В общем, так, брат, – начал Иван. – Как несовершеннолетний, ты не можешь жить один. Я хочу стать твоим опекуном, вернее, попечителем. Ты как, не против?

Никита пожал плечами, глядя себе под ноги.

– Он согласен, да, Никита? – встряла Алинка.

Иван тоже счёл этот жест утвердительным и продолжил:

– Сегодня же всё узнаем, но дело это небыстрое. Понимаешь, Никит, одного тебя тут не оставят...

Никита вскинул глаза. Этот взгляд, полный отчаяния, гнева на несправедливость мира, Иван еле выдержал. Бедный парень! А впереди у него страшный день похорон...

– Алина с мамой придут к тебе в десять, хорошо? Будут с тобой сегодня. Держись, брат...

– Хочешь, я сейчас останусь? – подала голос Алина.

– Нет.

Страстно желая остаться одному, Никита уже закрывал дверь, прячась в своё ненадёжное укрытие, словно не достанет его здесь никакая беда.

Отправив Алинку домой, Иван поехал в школу. Как оказалось, появился слишком рано, и длинные коридоры этого заведения, где дают знания тем, кто согласен их взять, были ещё пусты.

Только в сумерках он вернулся домой, сделав первый шаг, получив впечатляющий перечень документов, которые необходимы для оформления опекуна. Жена с дочерью явились вечером. Молчаливые, с измученными, каменными лицами. Алина сразу скрылась в своей комнате.

– А Никиту забрали... Прямо там, – Мария села за кухонный стол напротив мужа. – Увезли, как арестанта. У этих людей камень вместо сердца...

Ошеломлённый, Иван вскинул на неё глаза и замер. Её вопрос остался без ответа. Иван тоже многого не понимал в этой жизни, не понимал и не принимал её жестокости и несправедливости, иногда ему было по-настоящему стыдно за некрасивые человеческие деяния. Такие, как это...

Глава 6

Комната, в которую привели Никиту, вопреки ожиданиям, была просторная и светлая, с цветами на окнах, притаившимися за голубыми шторками, и это немного сбило его с толку. Кроме того, Никите вовсю улыбалась встретившая его здесь Наталья Николаевна, судя по дверной табличке, заведующая этим Центром содействия семейному воспитанию. Она была приветлива и дружелюбна, ненавязчиво рассказала о правилах, заполняя какие-то бумаги и через слово повторяя, «всё будет хорошо». А ему, настрадавшемуся до предела, было уже наплевать, накатило равнодушие к своей жизни, к своему будущему. Даже хорошо, что он будет тупо следовать чужой воле.

Никита ещё не понимал, что новая обстановка спасёт его. Дома, натываясь глазами на вещи своей мамы, живя в покинутом ею мире, он бы надолго застрял в своём горе, оно держало бы его фотографиями на стенах, её зубной щёткой в стаканчике, тюбиком маминой помады на полке в прихожей.

В тот же вечер в симпатичной столовой на первом своём ужине, оказавшимся вполне съедобным, Никита познакомился с Арчи. Вихрастый, крепкого телосложения паренёк с опасным блеском в глазах сам сел с ним рядом за пластиковый столик. Взглянул, изучая, потом протянул руку.

– Новенький? С приземлением, чувак! Как звать? – он лихо воткнул вилку в котлету, отправляя в рот приличный кусок.

– Никита. Ивлёв.

– А я Артур. Ты слышал более дурацкое имя? Мамаша постаралась. Поэтому зови Арчи. – Расправившись с котлетой, взялся за салат. Похоже, у этого парня всё наоборот, и правила не для него придуманы. – А ты как сюда загремел?

– Мама умерла, – его губа задрожала – в очередной раз он ужаснулся нелепости и чудовищности этой фразы.

– Бывает, – парень сочувственно покачал головой.

Сам, наверное, горя натерпелся, привык, но его простое «бывает» Никите было дороже многих слов сочувствия.

После ужина Арчи повёл его по комнатам, игровой и комнате для занятий, красивых и чистеньких, попутно рассказывая о жильцах этого странного заведения.

– Это Анька, – шептал он, показывая на девушку с застывшим взглядом, сидевшую неподвижно у окна с книгой в руках. – Тоже недавно у нас, родители на мотоцикле разбились. А от Коляна, вон, в клетчатой рубаше, второй раз приёмная семья отказалась. Колян такой, кого хочешь уделает. Но красивый, его возьмут. Сейчас ждёт новую жертву, – Арчи засмеялся, довольный своей остротой.

Благополучием здесь и не пахло. Раненые дети – жизнью, судьбой, родителями... Никита словно среди своих оказался. Он снова взглянул на Аню. Такую хотелось оберегать и радовать, развлекать и дарить безделушки, чтоб увидеть улыбку на её лице. А то совсем разучится смеяться. Бедная девчонка, а он и не думал, что кому-то может быть хуже, чем ему.

Измученный резкими перепадами в своей жизни, из-за чего уже ни на что не осталось сил, доверху наполненный новыми впечатлениями, Никита впервые за несколько дней заснул крепким сном.

Таким же суматошным, а ещё и подчинённым жёстким правилам, было утро. Ему хотелось уединения, передыха, маленького перерыва один на один с собой, но после завтрака нужно было идти на занятия по безопасности жизни. Подумать только! Никита усмехнулся, они хотят сделать безопасной жизнь, изначально полную опасностей. Ну-ну, успеха, друзья ...

Втайне он ждал, что его навестят здесь Алина с родителями или Светочка, хоть кто-нибудь из той, другой жизни, которой он по глупости не дорожил. Но прошёл день-другой, никто так и не появился. Забыли? Быстро...

При этой мысли обида комом застревала в горле, как кость, острая, жалящая, которую не достать, не выкинуть. Это потом Никита узнал, что они были здесь. Но так запросто навестить его нельзя, нужно иметь письменное разрешение от органов опеки на посещение.

Но они всё-таки пришли. Как будто почувствовали его обиду. И хоть немного, самую малость что-то стало на свои места.

* * *

– Сбегу я отсюда, Алин... – Они сидели на подоконнике в вестибюле, наблюдая, как тихий снег, пряча последние следы осени, лениво заметает замерзающую землю. – Что я, один, что ли, жить не смогу? Ещё как! Тут неплохо, но свободы хочется страшно...

– Не выдумывай! – Алина разгладила руками юбку на коленях, поправила светлый локон у лица. – Переедешь к нам... Возня с документами скоро закончится. Надеюсь, – добавила она неуверенно.

Алина уже третий раз у него здесь. Сначала с родителями приезжала, теперь одна навестила парня, жертвуя своим выходным. А добраться до него – не ближний свет. Но для неё это не жертва, Никита знал об этом. Алинкины серые глаза по-прежнему смотрели на него с затаённым восторгом. Для него неумело подкрашены помадой губы и пирожки с клюквой в пластиковом контейнере. В накинутах на плечи шубке она как будто взрослее, и уже не мелюзга, а симпатичная девушка. Никита рад Алине. Теперь он рад любому, кто рядом. Не так много их осталось.

– Как оказалось, я ненавижу правила, – продолжил Никита, откусывая кусок пирога, – хотя бы потому, что их очень много. Они тут на каждом шагу, одуреть можно...

Он взглянул на Алинку, которая согласно кивала и кажется, любовалась им, то ли его густой чёлкой, спадавшей на глаза, то ли тонкой полоской пробивавшихся над губой усов. Сердце её замирало. Больше всего Алина боялась, что сердце, вдруг разлюбив, перестанет так сладко замирать и откуда-то придёт равнодушие к этому прекрасному парню. Но она верила в любовь, в разлюбовь – нет.

Арчи, на пару секунд выскочивший в вестибюль, махнул рукой.

– Кажется, меня зовут на полдник. – Одним махом Никита спрыгнул с подоконника. – Спасибо, что заехала, Аalinka-малинка.

Какой холодный выдался ноябрь... Алина ненавидела этот месяц затяжного межсезонья, скорый на снег и ранние метели. Остановившись перед зданием Центра, она постучала застывшими ногами об асфальт – сапожки из кожаного материала плохо держали тепло. Носком сапога начертила на дорожке имя «Никита» – уже давно появилась у неё привычка писать везде это любимое имя... Алина оглянулась на окна первого этажа, закрытые тонкими полосками жалюзи, там столовая, там сейчас он и, наверное, уже забыл о ней. Думает о другой... Хорошо, не рассказала Никите, что видела Лилу с взрослым парнем. Не рассказала, а язык чесался. Она знала про его симпатию к Лиле. Откуда? Перехватила как-то его взгляд, и сердце подсказало.

Ничего этого Никита не знал. Он слушал болтовню Арчи, пил какао с нелюбимым сухим печеньем и думал о побеге. Честно говоря, он собирался сбежать, чтоб начать искать отца. Это цель, а вот пути её достижения виделись Никите очень смутно. Ну, сбежит он, а где жить? В том подвале? Спасибо, незавидная перспектива. А дома нельзя, дома найдут. Да и как искать отца? Нет ниточки, за которую можно потянуть...

– Никита? Ивлев? – воспитатель подошла к их столику. – Поешь и к Наталье Николаевне зайди. Ждут тебя...

– Опять к тебе посетители, Ник, – заулыбался Арчи. – А ты становишься популярным, братан.

Интересно, кто там, кто ещё вспомнил о его существовании? Уже вроде навестили все, кого Никита ждал. Может, отец? Может, мама не только Никите написала письмо, но и этому человеку? Такая фантастическая мысль не раз посещала парня.

У двери кабинета Никита замедлил шаг, страх, смешанный с любопытством, остановил его. Измученный последними событиями своей жизни, молодой человек хотел покоя и боялся перемен. Не трогайте его... Он словно ещё сидел в углу, зализывая страшные раны, желая лишь тишины и простого, понятного существования. Пусть ничего не происходит вокруг... Замри, мир, дай ему прийти в себя...

Дверь открылась сама.

– Ну, что ты не заходишь, Никита? – Наталья Николаевна улыбнулась, взяла его за руку. – Я уже пошла тебя искать. А у нас хорошие новости...

Темноволосый мужчина в синем костюме, сидевший у стола, развернулся ему навстречу.

Таким Никита увидел его впервые. Красивое, благородное, но застывшее лицо, словно маска, приклеившаяся навеки, не отодрать. Казалось, брызги водой в это лицо, оно так и останется неподвижным. Не дрогнут ресницы, не скривится рот. Этот человек смотрел на Никиту без радости и любопытства. Смотрел никак. Так глядят на дождь за окном, на людей, идущих под этим дождём с разноцветными зонтами в руках, на мокрые ветви деревьев, гнувшихся к земле.

Не выдержав этого убийственного равнодушия, Никита опустил глаза.

* * *

Старые часы на стене в кабинете заведующей вслед за движениями маятника громко отсчитывали время. Сколько секунд пройдёт, прежде чем он услышит фразу «это твой отец». Одна, две, три...

– Знакомся, Никита, это твой отец, Медников Евгений Павлович, – Наталья Николаевна засмеялась от радости, что ещё одному её воспитаннику улыбнулось счастье. Наталья Николаевна, добрая душа, обожала такие моменты, вечером, за ужином, ей будет, о чём рассказать мужу. – Евгений Павлович, ну вот, это наш Никита Ивлёв.

Она обняла парня за плечи, подвела ближе.

– Хорошо, – кивнул мужчина. – Могу я поговорить с Никитой наедине?

Пока молодой человек думал, к чему относилось его «хорошо» и почему не дрогнуло сердце, услышав слово «отец». Заведующая, согласно кивнув, ушла, оставив их одних.

Медников? Тот самый? Фамилия была на слуху. То ли депутат, то ли владелец заводов, газет, пароходов. Никита был смущён. Что говорят в таких ситуациях, он не знал, не понимал, радоваться ему или нет. Пока что вроде нечему. Чтоб не стоять истуканом перед этим человеком, присел на диванчик у стены, зажал между коленями сомкнутые ладони.

– Давай сразу расставим все точки над i, – начал, наконец, говорить тот, кто теперь приходился ему отцом. – Я был удивлён, получив письмо твоей матери. Прозвучит жестоко, но я совсем не помню Маргариту. – Мужчина встал, прошёлся по кабинету, давая возможность Никите рассмотреть его ладно сидевший костюм, синий с отливом галстук, дорогую обувь из коричневой кожи. – Странно и безответственно, что она в своё время не сообщила мне о твоём рождении.

– Видимо, вы были не нужны ей, – перебил Никита, не сдержавшись, слова мужчины задела его. – И маму не троньте.

– А ты дерзок, – Медников взглянул на него удивлённо, – но это и хорошо, не люблю тихонь. Думаю, мы поладим. – Он взял куртку, направился к двери. – Завтра за тобой заедут, отвезут, куда надо, нужно будет сделать генетическую экспертизу. Дождусь результатов и буду решать, как с тобой быть.

Он ушёл, оставив в кабинете растерянного Никиту и тонкий запах мужской туалетной воды.

– Ну, как? – сияющая Наталья Николаевна зашла в кабинет. – Поговорили?

– Можно и так сказать, – мрачно ответил Никита. – Не верит он, что я его сын. Неужели мама перед... Неужели бы стала обманывать?

– А ты что хотел, дорогой мой? Тест на отцовство сейчас многие делают. Время такое, беспутное, – добавила она тихо. – А папаша у тебя серьёзный. Иди и ни о чём не переживай, хватит с тебя переживаний.

Классная тётка, почему-то мало таких на свете. Редко встречаются на пути, или это он не по тем дорожкам ходит?

Встреча с отцом оставила странное впечатление. Наверное, Никита от счастья до неба прыгать должен, но не прыгалось. Правду говорят – бойтесь своих желаний. Осуществятся, а потом, что и делать, не знаешь.

Поджидавший его в коридоре Арчи бросился ему навстречу, на лице и радость, и любопытство.

– Это правда, про отца?

Никита кивнул.

– Говорят, из богатеньких? Может, он и меня прихватит до кучи, – засмеялся Арчи, но в глазах грусть.

– Он и меня-то не факт, что прихватит в свою богатенькую жизнь. Тест будем делать.

– На отцовство? Не верит? Вот, гад!

На следующий день после завтрака Никита спустился вниз, где серьёзный и строгий молодой человек уже ждал его. На чёрном мерседесе представительского класса они отправились в лабораторию, которая должна была решить дальнейшую судьбу Никиты. Всю дорогу он рассматривал салон машины, незаметно трогал руками кожаное, цвета слоновой кости сиденье, гладил изящную ручку двери. В богатой жизни определённо есть свои плюсы.

Его сопровождающий молчал, наверное, лишние слова, жесты, улыбки – не для него, внутренние правила, установленные раз и навсегда, жёстко регламентировали поведение парня. Никита дал ему прозвище «деревянный». Или всё-таки прозвать «Буратино», благо нос позволял это сделать?

Процедура, до смешного простая, прошла быстро, и вот его уже «возвращают на место», откуда взяли. Буратино уехал, так и не ответив ему на вопрос, когда будут готовы результаты. День шёл за днём, ничего не происходило, и Никите даже понравилось это. Пусть всё останется, как есть.

Только через неделю, когда в спортивном зале он подтягивался на перекладине, пытаясь под взглядом Ани перекрыть рекорд Арчи, его снова позвали в кабинет заведующей. Вот она, точка невозврата. Кем он выйдет оттуда, сыном могущественного Евгения Медникова или круглым сиротой Никитой Ивлевым?

* * *

На этот раз Медников был не один, на диванчике у стены сидела миловидная женщина, модно и красиво одетая. Короткая шубка из белой норки расстёгнута, откинута, как крылья фантастических птиц, небрежно покоились рядом. Светлые короткие волосы, уложенные мастером своего дела, обнажали шею с ниткой крупного жемчуга. Кажется, она смотрела на вошедшего с нескрываемой симпатией. Но человеческие лица так обманчивы. Никита знал это, его не проведёшь. Но в эту минуту он был благодарен ей за добрый, участливый взгляд.

– Ну, что, Евгений Павлович, вы сами расскажете? – заведующая сияла, по её лицу можно было прочесть, что новости, о которых сообщат сейчас Никите, самые что ни на есть хорошие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.